

18+

АЛЕКСАНДР КАЧУРА

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ.

Там, где копчается вселенная

Александр Качура

**Ты моя самая свеженькая.
Там, где кончается Вселенная**

Качура А.

Ты моя самая свеженькая. Там, где кончается Вселенная /
А. Качура —

Всё, что начиналось с чиха, заканчивается шашлыком. Боги спорят о формах, барсуки пьют вино затылками, а Глинка шьёт флаги из халата Пустоты. Последняя битва за Империю вилки, ложки и уточки. Мир склеен синей изолентой, помидорами и верой в то, что даже абсурд может быть уютным, если рядом есть чай.

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ты моя самая свеженькая. Там, где кончается Вселенная

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0069-8591-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ. ТАМ ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВСЕЛЕННАЯ.

ГЛАВА 1

Острова стояли на Планете Пузырей уже третий день. Все привыкли. Почти.

Планета Пузырей была именно такой, какой её создал Кодзи 1.0 – бог с длинными руками, торчащим носом и хронической привычкой чихать гоблинами. Это был первый обитаемый мир во вселенной, колыбель бюрократии и место, где формы заполнялись быстрее, чем рождались смыслы. Небо здесь было цвета «вчерашнего компота» – кисловато-розового, с вкраплениями звёзд, которые то вспыхивали, то гасли, будто не могли определиться, хотят ли они существовать. А вместо облаков летали ленивые запятые, на которых, как на такси, перемещались местные чиновники.

Вдалеке виднелись кривые города Пузырей – башенки без верха, двери, ведущие в соседние двери, и бесконечные очереди, уходящие в облака. На главной площади возвышался Кафедральный Бюрократический Институт Ложкознания, где Пузыри спорили о температуре чайной ложки, женились на инструкциях и аннулировали рассветы. Ещё дальше, за клубами сырного тумана, угадывался Мир Гоблинов – Барсукония, где барсуки с носами на задницах чихали вином, а гоблины требовали то один мир, то второй, то третий, то просто еду.

А в центре всего этого безумия стоял отель «Атлантида-Палас» – два острова, соединённые мостом из синей изоленты, которые Глинка три дня назад перенесла из их родного мира сюда, на Планету Пузырей, потому что «там ели вилками». Глинка была гоблинкой. Зелёной, крикливой, с вилкой наперевес. Она сказала тогда: «Вилка превыше всего». И все поверили. Потому что вилка и правда была выше – если её поднять.

Ася проснулась не от крика чаек – чаек здесь не было, Кодзи 1.0 при чихании создавал гоблинов, а не птиц. Она проснулась от того, что в окно лобби методично постучал Барсук.

Барсук висел снаружи на высоте третьего этажа, вцепившись задними лапами в пролетающую мимо жирную точку с запятой. Нос у него был не спереди, а сзади – там, где у порядочных существ положен хвост, – и этим самым носом он уткнулся в стекло, оставляя на нём липкие розовые пятна. Барсук чихал чистым розовым вином – полусладким административным восторгом, который стекал по стеклу, мгновенно кристаллизуясь в мелкий шрифт дополнительных соглашений.

– Сёма, – позвала Ася, не оборачиваясь. Она стояла у окна в халате, с чашкой ещё горячего чая, и пыталась оттереть пятно старым номером «Вестника Апокалипсиса», который папа Изя оставил на журнальном столике. Но буквы на газете тут же впитывали вино и перестраивались в надпись: «Ваш запрос на существование принят. Срок ожидания – семьсот воплощений». – У нас за окном налоговый инспектор из Барсуконии. И он, кажется, выписывает нам штраф за неправильную парковку островов.

Сёма сидел на диване в лобби, шурша свежими бинтами. Мама Сара настояла: «Ты мумия или где? Бинты должны быть идеальными, а то Ася стесняется». Бантик на его локте – маленький, розовый, с характером – мгновенно завязался в узел «Административный коллапс». Бантик умел выражать эмоции узлами. Это было его сверхспособностью. И, пожалуй, единственной.

– Таки мы не просто переехали, Ася, – вздохнул Сёма, глядя в окно. – Мы вляпались в мир, который Кодзи создал в минуту сильной икоты. Посмотри в окно: БНД начало операцию «Тихий саботаж».

Ася посмотрела. Вдоль дороги к отелю выстроился десант Бюро Недвижимых Движений. Инспекторы в серых скафандрах из уплотнённого уныния восседали на гигантских улитках. На раковинах улиток лениво мигали синие огоньки. Но десант стоял на месте. Совсем.

– Почему они не едут? – спросил вылетевший из-за стойки регистрации дракон Федя. К его лапам синей изолентой были примотаны три тапочка с уточками. Четвёртый тапочек он

потерял ещё при переезде – тот оторвался и уплыл в сторону Храма Чёрной Ложки, и с тех пор Федя периодически пытался его поймать. Безуспешно. Но не сдавался.

– Потому что, согласно параграфу 4.2 Устава БНД, любое движение должно быть официально согласовано с Отделом Пространственного Покоя, – пояснила вошедшая Эбигейл, доедая бутерброд, который неизвестно откуда взялся в её руке. У Эби всегда был запасной бутерброд на случай апокалипсиса – и ещё один на случай, что первый окажется недостаточно вкусным. – А Отдел Покоя сегодня празднует День Отсутствия Событий. Годовщину. Семьсот лет без единого происшествия. Так что они будут стоять там до следующего чиха Кодзи. Но стоять они будут крайне официально. С печатями.

– ЭБИ! – заорал Федя, делая круг над диваном. – А ТАМ, ЗА УЛИТКАМИ, Я ВИДЕЛ ЕЩЁ КОГО-ТО! С БЛАНКАМИ! ИХ МНОГО!

– Это подкрепление, – спокойно сказала Эби. – БНД всегда приходит с подкреплением. И с бланками. Бланки – их основное оружие. Тяжёлая артиллерия.

Федя чихнул от волнения. Из его носа вылетела маленькая искра, попала в люстру, и люстра загорелась синим огнём. Это было красиво. И немного страшно.

– ЭБИ! Я ТЕПЕРЬ ЛЮСТРУ ЗАЖЁГ!

– Вижу, – Эби села в кресло, взяла чашку, отпила. – Ты теперь у нас электрик. Или пиротехник. Или то и другое. Будет чем заняться, когда БНД начнёт штурм.

В этот момент дверь в лобби открылась, и вошла Пустота.

Она не материализовалась из воздуха, не соткалась из звёздной пыли, не вышла из портала. Она просто вошла. Как заходят к соседям за солью. В старом халате – том самом, в котором она ходила на край вселенной, когда никто не видел. В руках – авоська с тремя помидорами. Красные. С выражением. И кружка с чаем. Пар от кружки пах лавандой и Большим Взрывом.

Пустота была матерью всего. Она родила Анару и Мару. Она была старше времени, старше пространства, старше любой формы и любой бюрократии. Она могла сжать вселенную в точку, открыть карманы реальности, создать чёрную дыру одним вздохом. Но сегодня она пришла на чай. Потому что обещала. И потому что хотела посмотреть, что эти безумцы натворили на Планете Пузырей.

– Доброе утро, внучата, – сказала Пустота, садясь в кресло-качалку. Кресло появилось под ней из чистого чувства долга – реальность знала, что если Пустота хочет сесть, лучше подставить что-нибудь мягкое. – Тётя Глаша просила передать помидоры. Сказала, если вы их не съедите, они начнут проповедовать новую религию, а нам тут только второго культа Ложки не хватало.

– Вы обещали помочь с БНД! – Глинка вылетела из кухни с вилкой наперевес. – Они хотят нас депортировать!

Пустота отпила чай. Задумалась на мгновение – достаточно, чтобы в соседней галактике сменилась власть, – и поставила кружку на несуществующий столик. Столик появился ровно на секунду, чтобы принять кружку, и тут же исчез – он не был уверен, что достоин такой чести.

– БНД... – медленно сказала Пустота. Голос её вибрировал где-то в области позвоночника, даже если у слушателя позвоночника не было. – Они любят формы. А я – содержание. Я поговорю с ними. Когда мне надоест смотреть, как они пытаются оформить протокол на запах мамино шашлыка. Это может занять вечность. У меня есть время.

Она взяла помидор из авоськи, покрутила в пальцах. Помидор согласно засветился.

– Но сначала – завтрак. Мама Сара не любит, когда еда стынет. А я не люблю, когда мама Сара нервничает. Нервная мама Сара – это страшнее, чем рассерженный Кодзи. Она начинает ждать без лука. А шашлык без лука – это уже не шашлык, а просто мясо. Одинокое. Грустное. Без смысла.

Глинка гордо подняла вилку. За окном один из пузырей, случайно увидев этот жест, поперхнулся формой 1-А («Я существую, но сомневаюсь») и упал в обморок. Улитка под ним задумчиво переставила ногу – и тут же получила выговор от офицера БНД за «несанкционированное движение без формы 4-У».

Пустота встала, поправила халат. Кресло-качалка под ней исчезло – выполнило свой долг и ушло в небытие, где, возможно, сейчас качается в компании других выполнивших свой долг предметов мебели.

– Пойдёмте, – сказала она. – Я покажу вам, как правильно сидеть за столом, когда весь мир – твои дети, а дети – твой весь мир.

Она направилась к выходу на веранду, но на полпути остановилась, обернулась и посмотрела на Барсука, который всё ещё висел за окном, пытаясь привести в порядок свои записи. Барсук под её взглядом побледнел – насколько это вообще возможно при розовом цвете лица – и торопливо начал стирать форму 13-UNHOLY. Не стёр. Только размазал. Но старался.

– И передайте своим, – добавила Пустота уже на пороге, не оборачиваясь, – что если они тронут этот отель, я лично приду к ним в гости. С помидорами. И без чая.

За воротами отеля офицеры БНД синхронно побледнели. Один из них, тот, что был с биноклем, прошептал:

– Это... это она. Мать. Командир, мы... мы не заполняли форму 1-М «Встреча с высшей сущностью». У нас нет бланка. Никто не знает, как он выглядит. Его никто никогда не заполнял.

– Молчи, – ответил командир, отворачиваясь и делая вид, что изучает карту местности, которая была у него вверх ногами. – Может, не заметит.

Пустота уже скрылась за дверью, но её голос, мягкий, как бархат и тяжёлый, как чёрная дыра, донёсся до всех:

– Я всё замечаю. Даже когда не смотрю. Особенно когда не смотрю.

Федя радостно чихнул вслед Пустоте. Люстра загорелась снова – на этот раз фиолетовым.

– ЭБИ! Я ТЕПЕРЬ УМЕЮ В ФИОЛЕТОВЫЙ!

– Ты теперь умеешь в пожарную тревогу, – сказала Эби, вставая и беря свою чашку. – Пойдём. Шашлык стынет. А Пустота не любит, когда стынет. Она вообще не любит, когда что-то происходит без неё. Даже когда еда остывает.

Сёма поднялся с дивана, поправил бантик – тот завязался в узел «аппетит» – и посмотрел на Барсука. Барсук уже не писал. Он сидел на своей запятой, обхватив голову лапами, и раскачивался. Его блокнот медленно падал вниз, перелистываясь на лету, и каждая страница была чистой.

– Таки я её люблю, – сказал Сёма.

– Все её любят, – вздохнула Эби. – Потому что без неё – пусто. А с ней – пусто, но с чаем.

– И С ВИЛКОЙ! – крикнула Глинка, вылетая вслед за Пустотой.

Отель «Атлантида-Палас» уютно заскрипел. Где-то на главной башне Планеты Пузырей Великий Чайник выпустил пар с ароматом бергамота – значит, день начинался. Пузыри начали очередную смену молитв перед Чёрной Ложкой. Барсуки чихали вином в своих парламентских креслах. Гоблины требовали еду. БНД оформляло протокол на неподвижность. А на веранде уже дымил мангал, и мама Сара командовала парадом.

На веранде пахло так, что даже у Пустоты в животе начали рождаться новые, очень голодные туманности. Запах шашлыка, жареного лука и чего-то неуловимо египетского – мама Сара добавила в маринад секретную специю, которую вывозила контрабандой ещё при фараонах, спрятав в складках самой истории, – растекался по Планете Пузырей. Этот аромат обладал плотностью десертного вина; он заставлял пузырей отвлекаться от медитаций на Чистую Канцелярию и синхронно поворачивать свои прозрачные тела в сторону отеля, опасно вибрируя от любопытства.

Мама Сара стояла у мангала. Мангал был произведением инженерного безумия: Глинка соорудила его из куска упавшей звезды (Кодзи чихнул слишком сильно, и кусок раскалённой материи шмякнулся прямо во двор, едва не пришибив шезлонги) и старой решётки от канализации, которую Сергеич принёс из своих склизких подземных владений. Решётка была не просто старой, она была говорящей. Она жаловалась на ревматизм прутьев и коррозию совести каждые пять минут, но стоило на неё упасть первой капле жира от шашлыка, как она замолкала, начинала тихо мурлыкать и выдавать пророчества средней точности о ценах на помидоры.

– Абраша! Сергеич! Толя! – гаркнула Сара так, что на соседней улице пузыри массово посыпались со своих запятых, как переспелые груши. – Если вы не сядете за стол через три секунды, я заставлю вас есть сырой лук и читать инструкции к пылесосам! Сначала лук, потом инструкции. Лук хотя бы полезный для печени, а инструкции выжигают мозг быстрее, чем прямой взгляд Медузы Горгоны!

Воздух над верандой «лаганул» – в Одессе так называли момент, когда реальность спотыкается о собственную невероятность.

На запах плоти, лука и запретных специй явилась Троица.

Абрам Моисеевич (Посейдон) шёл первым, чеканя шаг. Тельняшка на нём сегодня была в мелкий розовый горошек – переменчивая реальность Кодзи всё ещё не могла определиться с дресс-кодом бога морей в мире, где самая глубокая лужа была заполнена розовым вином. Сегодня Кодзи явно был в игривом настроении. Абрам нёс свой Трезубец на плече, как бамбуковую удочку, а к зубцам был привязан пакет с бубликами – универсальная валюта, которую признавали даже самые черствые инспекторы БНД.

– Сара, радость моя, – прогудел Абрам, с грохотом втыкая Трезубец в дощатый пол. Пол вздрогнул, застонал, но, признав авторитет, промолчал. – В этом мире вода такая сухая, что у меня даже мысли шелушатся и осыпаются перхотью. Дай мне мяса. Много мяса. И чтобы с кровью! Кровь напоминает мне о Красном море. Я там когда-то провёл отпуск... кажется, пару эпох назад. Было шумно, людно, но сервис – моё почтение.

Сергеич пристроился слева, суетливо поправляя профессорскую шапочку. Под влиянием атмосферного давления Планеты Пузырей шапочка окончательно приняла форму фарфорового чайника. Из её носика периодически вырывался свистящий пар, пахнувший болотной тиной и античной мудростью. Его щупальца под мантией нервно подрагивали – это был не страх, а высокочастотный резонанс предвкушения. Сергеич, привыкший к диете из забродивших водорослей и самогона на ржавых трубах, воспринимал шашлык как акт высшей теургии.

– Коллеги, – проскрипел Сергеич, усаживаясь и проверяя, не забился ли носик шапочки-чайника. – Я провёл расчёты на свободных щупальцах. Вероятность того, что мы выживем здесь без регистрации, – 0,03 процента. Но вероятность того, что инспекция БНД переживёт дегустацию шашлыка Сары, – величина отрицательная. Это означает, что они не просто погибнут, а схлопнутся в состояние «никогда не существовавших». Звучит крайне обнадеживающе для нашей налоговой истории.

Белочка на его плече яростно кромсала зубами какой-то серый предмет. Оказалось, это была свернутая в трубочку жалоба от БНД – Белочка перехватила курьера-пузыря ещё на подлёте. Жалоба хрустела под резцами, пищала канцелярским голосом и пыталась взывать к закону, но Белочка была глуха к бюрократии.

– Цок! – веско сказала она. Это было краткое содержание тома «Война и мир», переведённое на язык грызунов-карателей: «Ещё одна бумажка – и я лично перегрызу кабель реальности в вашем офисе».

Дядя Толя материализовался последним, буквально вывалившись из порталного шкафа, стоявшего в углу. Шкаф был его личным лифтом между измерениями, оставшимся со времён

майянского божества. Сегодня дядя Толя был в огромном сомбреро, которое он, видимо, отобрал у какого-то зазевавшегося мексиканского демиурга.

– Опоздал, – буркнул Толя, отряхивая пыль иных миров. – Кактус поливал. Кира просила. А кактус, знаете ли, существо ранимое. Мы с ним три часа обсуждали теорию струн. Он настаивает, что струны – это просто плохо замаскированные колючки. С кактусом спорить бесполезно: у них логика острая, колючая и не терпит возражений.

– Садись уже, философ мезозойский, – отозвалась Клавдия Ивановна. Она уже сидела в центре стола, нежно поглаживая Бульбулятор-3000. Аппарат для отделения души от брэнной плоти тихо вибрировал, находясь в режиме ожидания. Клавдия Ивановна всегда держала его под рукой – мало ли, вдруг кто-то из гостей решит выйти в астрал без предупреждения.

– Помидоры будешь? Тётя Глаша прислала через Пустоту. Сказала: «Ешьте быстро, пока они не начали читать лекции по философии». Нам тут только помидоров-лекторов не хватало, у нас и так Глинка – ходячий филиал миссионерства имени Вилки.

– А они точно не проповедники? – дядя Толя подозрительно покосился на красный бок. – В прошлый раз такой помидор чуть не обратил мой кактус в индуизм.

– Ешь, не бойся. Индуизм твоему кактусу не помешает – у него и так много рук. Ну, колючек.

Глинка, услышав про себя, гордо вскинула свою Вилку. Столовый прибор сверкнул в лучах зелёного солнца (Кодзи перепутал светофильтры при создании системы) так ярко, что пролетающий мимо пузырь-патрульный ослеп, потерял управление и врезался в запястью. Пузырь тут же начал лихорадочно заполнять форму 7-Ж «Ослепление при исполнении», но Глинке было плевать.

– Пусть пишет! – отрезала гоблинка. – Моя вилка – это символ суверенитета. Ложка – инструмент для рабов и любителей каши. А вилка – это когда ты сам решаешь, что колоть, а что подцеплять. Запомните это, пока я добрая!

– Вилка – это просто способ доставки калорий, – философски заметила Эби, методично размазывая масло по хлебу. – Как и трезубец Абрама. Главное – не «чем», а «зачем».

– С шашлыком едят! – вдруг подал голос мангал. Он выбросил сноп искр и зашипел: – С шашлыком и хорошей компанией! Философия – это соус, а мясо – это база. Сначала набейте желудки, а потом хоть в nirvanу выходите, я подожду.

Мангал был прав. Его логика была безупречна, как прожарка «medium rare».

Пустота сидела во главе стола. Её присутствие ощущалось как лёгкое падение в бездну, задрапированное в уютный домашний халат. Кресло под ней появилось само, соткавшись из вежливости и старых атомов водорода.

– Я не употребляю плотную материю, – ровно произнесла Пустота, когда Сара занесла над её тарелкой шампур. – Последний раз, когда я попробовала что-то столь... осязаемое, у меня случился гормональный сбой, и я родила Анару. Двести тысяч лет я учила её, что взрывать звёзды в спальне – это хулиганство. Но разве молодёжь слушает?

– Ой, бросьте эти космические страдания! – Сара бесцеремонно положила кусок мяса прямо перед Пра-Матерью. – Это не просто мясо. Это барашек-буддист. Он верил в колесо сансары и реинкарнацию. Так что технически он просто совершил переход в новое состояние. Кодзи чихнул, когда я его резала, – я истолковала это как благословение небес.

Пустота посмотрела на шашлык. Шашлык, казалось, посмотрел на неё с глубоким уважением. Между вечным «ничто» и жареным «нечто» проскочила искра.

– Ладно, – выдохнула Пустота. – Один кусочек. В память о барашке-философе. Философия – это единственное, что оправдывает существование белков.

Она прикоснулась к шампуру. Мясо не было съедено – оно просто аннигилировалось в её сущность, мгновенно перейдя из физической формы в чистое наслаждение.

– Вкусно, – признала Пустота. – Сара, ты нарушаешь законы сохранения энергии. Ты колдунья.

– Я мама, – отрезала Сара. – Это уровень, до которого магия ещё не доросла.

В этот момент Глинка, не выдержав конкуренции, ткнула вилкой в Трезубец Абрама Моисеевича. Раздался чистый, камертонный звон, от которого у пузырей на площади полопались монокли.

– ТЫ! – взвизгнула Глинка. – ПОЧЕМУ У ТВОЕЙ ПАЛКИ ТРИ ЗУБЦА? ЭТО ПЛАГИАТ! ТЫ ЧТО, В ТРИ РАЗА ГОЛОДНЕЕ МЕНЯ?!

– Малышка, это вопрос масштаба, – гулко рассмеялся Абрам, не отрываясь от бублика. – Один зуб – для усмирения бездны. Второй – для навигации в тумане. Третий – чтобы чесать пузо Кракену, когда он капризничает. Попробуй почесать Кракена своей вилкой – он решит, что это комар, и захлопнет океан от обиды.

– ЛОЖЬ! ЭТО ИЗЛИШЕСТВО! – Глинка вскочила на стол, размахивая своим оружием. – Я объявляю твой трезубец вне закона! Признай превосходство Одной Вилки, или я нажалуюсь Кодзи, и он превратит твою тельняшку в смирительную рубашку с рюшами!

Абрам аккуратно, двумя пальцами, снял гоблинку со стола и поставил на пол.

– Маленькая ты ещё, Глинка. Энергии много, а заземления нет. Сила не в зубцах, а в том, кто сидит с тобой за одним столом. Ешь свой шашлык, пока он не остыл до температуры окружающего вакуума.

Глинка открыла рот, чтобы выдать тираду, но Сара ловко вставила ей туда кусок сочного мяса. Глинка замерла. Её мозг, разрывавшийся между революцией и аппетитом, выбрал второе.

Абрам хмыкнул, подцепил трезубцем бублик и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Вне закона, говоришь? А кто тут закон, простите? Кодзи? Пустота? Или та, у кого во рту шашлык? Вот то-то.

Он откусил полбублика и удовлетворённо замолчал.

Впервые за три дня в отеле наступила тишина, прерываемая только шипением жира и чавканьем Феди, который пытался съесть бутерброд вместе с уточкой.

– А где Костя? – Ася тревожно огляделась.

Эби вздохнула так тяжело, будто на её плечи легла вся тяжесть Планеты Пузырей.

– Костя в погоне, – ответила Эби. – Его правая нога вчера прослышала, что в Бюро Свободных Конечностей идёт набор на руководящие должности. И она, представьте себе, решила, что «голова – это балласт», и ушла делать карьеру. Теперь Костя скачет по островам на левой, пытаясь убедить правую, что без него её не возьмут даже младшим курьером, потому что у неё нет паспорта.

– А голова? Голова-то при нём? – уточнил Сёма, поправляя розовый бантик.

– Голова при нём. Но она занята тем, что выкрикивает проклятия вслед убегающей пятке. На Планете Пузырей даже части тела заражаются бюрократическим зудом. Скоро его левое ухо подаст на развод, вот увидите.

За окном веранды офицеры БНД на своих улитках выглядели жалко. Одна улитка попыталась было двинуться к шашлычному дыму, но инспектор так яростно затряс бланком строгой отчётности, что животное впало в глубокую депрессию и спряталось в раковину.

Пустота достала последний помидор из авоськи. Он сиял в её руке, как маленькое, уютное сердце мироздания.

– Тётя Глаша передавала, – голос Пустоты стал мягче, в нём зазвучали нотки домашнего варенья. – Сказала: «Если эти оболтусы не позвонят мне до субботы, я приеду сама. И тогда БНД покажется им детским садом». Вы же знаете Глашу. Её авоська – это не просто сетка. Это портативная тюрьма для реальности. Если она решит навести порядок – Кодзи сам заполнит все формы и уйдёт в монастырь.

Офицеры БНД за забором синхронно сглотнули. Один из них, самый пугливый, достал рацию:

– Командир, объект защищён сверхъестественными родственными связями. У них тут Мать Всего, Говорящий Мангал и угроза прибытия некой Глаши с авоськой. Мы... мы технически не оснащены для подавления семейных ужинов такого уровня. У нас нет формы 2-Р «Родня как непреодолимая сила».

– Сворачиваемся, – хрипнул голос из рации. – Уходим официально. Напишите в рапорте: «Противник применил тактическое гостеприимство и помидоры массового поражения».

Улитки медленно развернулись. БНД отступало, гремя пустыми папками.

Федя чихнул от восторга, и люстра над столом взорвалась полноценной, сочной радугой, которая начала медленно капать в чай Семье.

– ЭБИ! Я ТЕПЕРЬ ДИЗАЙНЕР ПРОСТРАНСТВА!

– Ты теперь ходячий праздник, Федя, – улыбнулась Эби. – Ешь. Пока Кодзи не передумал и не превратил нас всех в сельдерей.

Ася подняла кружку:

– За нас!

– За Пустоту! – крикнула Анара, спрыгивая с крыши прямо к столу.

– За тишину после еды, – добавила Мара, незаметно выходя из тени.

Пустота посмотрела на своих дочерей, на этот безумный сброд за столом.

Впервые за вечность ей не было скучно.

Она допила чай, поправила халат и исчезла. Не ушла. Не растворилась. Просто стала везде. Как и положено Пустоте. Которая всегда рядом. Даже когда кажется, что её нет.

Отель «Атлантида-Палас» довольно заскрипел всеми балками. Где-то в вышине Великий Чайник Планеты Пузырей выпустил облако пара с ароматом лаванды. Пузыри внизу начали новую молитву – за тех, кто умеет готовить без инструкций.

Жизнь продолжалась. Ошибочная, нелепая, пахнущая луком и вечностью, но чертовски вкусная жизнь.

Пока на веранде шло ритуальное поедание шашлыка и выяснение отношений с БНД, в кухне отеля происходило не менее значимое событие. Там, среди кастрюль, сковородок и запаха жареного лука, который, казалось, прописался здесь на постоянное жительство ещё при открытии отеля и даже успел завести небольшую ипотеку на вытяжку, собрался теневой кабинет.

Форшмак восседал в своей банке на разделочном столе. Банка была не простой, а с усиленным дном, системой вентиляции и специальным держателем для ритуальной вилки снаружи – чтобы Форшмак мог тыкать в оппонентов, не рискуя разбить стекло. Горо соорудил её из старого аквариума и драконьей слюны, потому что обычное стекло не выдерживало политических амбиций закуски и периодически шло трещинами от его ядовитых замечаний. Сельдерей стоял рядом, как верный адъютант, и молчал. Его молчание было тяжелее, чем иные речи, и несло в себе глубокий смысл невымытого овоща, познавшего дзен.

– Господа, – начал Форшмак, обращаясь к пустой кухне. В кухне, кроме него и Сельдерея, никого не было, но это не имело значения. Форшмак привык выступать перед пустотой. Пустота, кстати, тоже иногда слушала. Она признавалась, что это интереснее, чем бесконечные сериалы о рождении галактик. – Мы стоим на пороге исторических перемен. Планета Пузырей сотрясается от кризиса. БНД дезориентировано запахом маринада. Барсуки пьяны розовым выхлопом собственных носов. Гоблины голодны. Пузыри молятся на ложку, а ложка – это символ угнетения и кулинарного застоя!

Сельдерей качнулся. Это могло означать что угодно – от безоговорочного согласия до лёгкого сквозняка из приоткрытого окна реальности.

– Я изучил местное законодательство, – продолжал Форшмак, воинственно тыкая своей маленькой вилкой – она висела на магните снаружи банки, всегда под рукой, всегда наготове – в сторону стопки форм, которые Горо притащил из вестибюля под видом макулатуры. – Согласно параграфу 7, пункту 3, приложению 4 к Уставу Планеты Пузырей, любой объект, обладающий даром речи и способностью к рефлексии, имеет право на политическое убежище и место в парламенте. Я говорю. Я рефлексирую о бренности майонеза. Следовательно, я имею право.

Он сделал театральную паузу, чтобы дать единственному слушателю осознать глубину его мысли. Сельдерей молчал, сохраняя дипломатическую неприкосновенность. Где-то на веранде Глинка в очередной раз заорала про превосходство вилки над здравым смыслом. Форшмак поморщился.

– Глинка, конечно, хороший полевой боец, – сказал он, понижая голос до заговорщического шепота. – Но ей катастрофически не хватает дипломатичности. Она хочет проткнуть всё, что движется. А я хочу проткнуть только то, что не движется и мешает нам строить светлое будущее. Это называется избирательный подход и политическая прозорливость. Этому меня научил Сельдерей. Вернее, он промолчал в нужный момент так выразительно, что я понял всё правильно.

Сельдерей снова качнулся. На этот раз определённо утвердительно, с достоинством старого лорда, которому не нужны слова, чтобы выразить своё августейшее мнение.

– Я намерен баллотироваться в парламент Барсуконии, – объявил Форшмак, и его банка гордо лязгнула о стол. – Барсуки, конечно, те ещё козлы. Простите, козлы не обидятся? Ладно, неважно. Барсуки – политические оппортунисты с носами на затылке. Но у них есть вино. А где вино, там и до межмирового согласия рукой подать. Я предложу им программу: «Сыр, вино и шашлык – каждому по потребностям, от каждого по способности чихать по уставу».

В кухню заглянул Горо. Дракон был огромным, но пытался вести себя тихо, почти на цыпочках, потому что Форшмак в прошлый раз устроил грандиозный скандал, когда Горо чихнул и чуть не отправил банку в самостоятельное путешествие по Планете Пузырей.

– Там это... – начал Горо, ковыряя когтем косяк. – Тётя Глаша звонила. По помидору. Прямо в мякоть. Сказала, что если вы не перестанете строить политические козни и плести интриги из укропа, она приедет и наведёт порядок своей авоськой. Она сказала: «Политика – это грязное дело, а авоська у меня чистая, я её вчера с мылом стирала. Я знаю, чем выбивать пыль из амбициозных закусок».

Форшмак побледнел. Насколько вообще может побледнеть закуска, чья главная задача – быть вкусной, а не политически активной.

– Передайте тёте Глаше, – сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал от страха перед легендарной авоськой, – что я всего лишь реализую своё законное право на самовыражение. И вообще, я не политик. Я – голос народа. Народа закусок, солений и маринадов. Нас угнетают. Нас едят без спросу. А кто защитит нас? Сельдерей? Он молчит, он выше этого. Значит – только я. Один. В банке. Но я не сдаюсь.

Сельдерей молчал. Но в его молчании теперь чувствовалась тяжелая, как чугунная сковорода, поддержка. Иногда самое сильное, что можно сказать – это ничего не сказать, и Сельдерей овладел этим искусством в совершенстве.

– Ладно, – вздохнул Форшмак, когда Горо, пятясь, исчез в дверях. – Пойдём, друг. Нас ждёт парламент. Или, если не ждёт, мы его подождём в засаде. У нас есть время. Мы закуски. Нас можно хранить в холодильнике истории вечно.

Он спрыгнул со стола. Банка, оснащённая маленькими ножками, которые Горо прикрутил на всякий случай в минуту инженерного экстаза, ловко приземлилась на пол. Форшмак решительно покатился к выходу. Сельдерей застыл на месте, как безмолвный призрак перемен – он не двигался, но его присутствие говорило громче любых предвыборных речей.

На пороге Форшмак столкнулся с мужиком с удочкой. Тот сидел на корточках, закинув леску прямо в дверной проём, ведущий в коридор, и замер, как статуя терпения.

– Ключёт? – осведомился Форшмак, притормозив свою банку.

– Сорок два года, – ответил мужик, не поворачивая головы. – Жду. Ключет – узнаешь по треску реальности.

Форшмак хотел сказать что-то едкое про неэффективное использование рабочего времени, но передумал. Он уважал чужое терпение. И чужие мании. Особенно если они не мешают ему строить политическую карьеру.

Он покатился дальше – к звёздам, к власти, к новой жизни в расколе политики. А Сельдерей остался стоять на месте. Он не двигался. Он никогда не двигался. Но почему-то всем казалось, что он следует за Форшмаком. Такая уж у него была харизма. Харизма молчания.

В кухне снова стало тихо. Только вытяжка тихо вздыхала о несбывшемся, да запах лука продолжал платить свою ипотеку, надеясь, что когда-нибудь ставки упадут.

В сауне, которую занесло на Планету Пузырей вместе с её обитателями, было жарко. Не в смысле температуры – хотя и термометр на стене давно расплавился, превратившись в застывшую лужицу ртутного недоумения, – а в смысле страстей.

Там, на верхней полке, где пар был таким густым, что его можно было нарезать ломтями и подавать к чаю вместо пастилы, собрались те, кто предпочитал политическим дрызгам Форшмака и маминую шашлыкку более камерные, влажные радости жизни.

Батюшка сидел в самом центре – монументальный, как скала, обложенный вениками со всех сторон. Веники были на любой вкус: классические берёзовые, суровые дубовые. Один даже эвкалиптовый – его притащил Сергеич из своих подземных зарослей. Сергеич клялся, что этот веник не только радикулит лечит, но и налоговых инспекторов отпугивает. В радиусе трёх световых лет.

Батюшка периодически кропил присутствующих святой водой. Вода хранилась в памятой пластиковой бутылке с этикеткой «Святой источник, освящено на три года». Срок годности благодати давно истёк, но Батюшка резонно полагал: святость – как выдержанный коньяк, с годами только крепче становится и по грехам бьёт прицельнее.

– Ну что, братия, – пробасил Батюшка, обводя затуманенным взглядом собрание. – Догулялись. Теперь наше пристанище – Планета Пузырей. Вокруг сплошные формы, бюрократы с носами на затылках и эти прозрачные создания, что возносят молитвы черпаку. Вопрос ребром: каков наш план по спасению душ в условиях, когда здравый смысл почитают за ересь?

Пятеро алкашей, уютно устроившихся на нижней полке, синхронно кивнули. Кивок получился нетрезвым, но на редкость осмысленным. Один из них – тот, что с массивной иконой на груди, – поднял руку. Икона висела перевёрнутой, но алкаш уверял, что так даже лучше: прямая связь с альтернативной небесной канцелярией.

– Батюшка, разрешите рацпредложение?

– Вещай, сын мой, не томи.

– А что, если затеять крестовый поход? Опыт-то имеется. Вон, в Китае были – терракотовых воинов крестили. Теперь они официально православные. Стоят себе в гробницах, по воскресеньям хором псалмы шепчут. Нам бы здесь какую-нибудь святыню организовать.

– Поход – дело благородное, – задумчиво протянул Батюшка, нежно оглаживая дубовый веник. – Но где здесь линия фронта? Против пузырей идти? Так они же прозрачные. Сквозь них даже лик святой не разглядеть – одна сплошная рябь.

– А может, на БНД навалиться? – вставил второй алкаш, местный философ. Он сидел, подперев подбородок ладонью, с видом человека, который только что разгадал тайну бытия, но тут же забыл её из-за резкого перепада температуры. – Бюрократия – это же грех в чистом виде. Формы много, а души – как в пустом стакане. Ни капли.

– Душа, мил человек, есть во всём, – наставительно возразил Батюшка. – Мне сказывали, что даже в форме 1-А «Я существую» теплится мятежная искра. Она, говорят, каждую полночь пытается переродиться в форму 1-Б «Я существую, но в глубоких сомнениях».

Лиза, суккуб с вечно скучающим взглядом, растянулась на верхней полке. Она лениво обмахивалась хвостом. Кончик хвоста периодически подмигивал присутствующим – жил своей, отдельной от хозяйки жизнью.

– Скучища смертная, – зевнула Лиза. – В нормальных мирах я бы уже соблазнила полсотни праведников. Разбила дюжину сердец. Эффектно растворилась бы в тумане. А тут что? Пузыри? У них нервных окончаний нет, я проверяла. Тыкаешь хвостом, а они в ответ квитанцию выдают: «Зафиксирован несанкционированный контакт, заполните форму 7-С». Никакого азарта.

– Терпи, дочка, – смиренно отозвался Батюшка. – Наступит и на нашей улице праздник абсурда. Начнём поход – там и архангелы подтянутся. Люцифер вон из канализации вылезет, говорят, он там от сырных реформ Форшмака прячется. Будет тебе фронт работ.

Кира, фея природы, забила в самый угол. Она сосредоточенно поливала кактус. Кактус принадлежал дяде Толе, но Кира окружила его такой заботой, что тот начал подозрительно напоминать пальму. Растение периодически глубоко вздыхало и демонстративно выпускало новые колючки.

– Главное, чтобы природа не плакала, – заметила Кира. – Пустота – это тяжкое испытание для всякой зелени. Но мой подопечный – кремень. Он заявил, что готов к любым переменам. Хоть к реинкарнации в баобаб. Я его еле отговорила – места в сауне и так в обрез.

– Кактус... заявил? – переспросил третий алкаш, который только что очнулся от тяжёлого банного сна на средней полке.

– Он постоянно что-то заявляет. Вы просто слишком заняты своим похмельем, чтобы слышать голос разума в колючках.

Роза, фея любви, сидела поодаль. Она меланхолично плела венок из берёзовых прутьев. Венок выходил на редкость печальным – может, потому что в этом мире любовь была не востребована. Никто не влюблялся: ни пузыри в свои запятые, ни барсуки в свои протоколы. Даже Глинка со своей вилкой выглядела слишком занятой борьбой, чтобы отвлекаться на амурные дела.

– У меня энергия на исходе, – пожаловалась Роза. – Я вяну без практики. Превращаюсь в гербарий несбывшихся надежд.

– Возьми паузу, Розочка, – мягко посоветовал Батюшка. – Любовь – это не конвейер. Это призвание. Иногда тишина полезнее, чем буря чувств. Подожди, пока реальность проглодается по нежности.

– А если она вообще не ест нежность?

– Значит, подадим её как десерт после шашлыка. От судьбы не уйдёшь, особенно когда она в веночке.

Школьник в углу яростно тыкал в экран смартфона. Гаджет упорно твердил о полном отсутствии сети, но парень верил в великий космический роутер. Верил, что где-то в недрах Пустоты обязательно есть вышка, раздающая бесплатный вай-фай.

– Сорок восемь часов в офлайне, – глухо произнёс Школьник. – Я начинаю забывать вкус лайков. Мне кажется, они были со вкусом клубники. Или розовые, как те чихающие барсуки за окном.

– Ты в экран-то не пялься, – буркнул Батюшка. – В душу свою загляни. Там безлимитный трафик, если уметь подключаться. Сеть духовная – она посильнее любого оптоволокна будет.

– Духовная сеть – это прошлый век, – вздохнул парень. – Пинг высокий. Картинки не грузятся. Одни текстовые сообщения приходят. И все – в виде совести.

Арсен, облачённый в неизменный спортивный костюм, сидел особняком на нижней скамье. Он сверлил взглядом пустое пространство. В руках сжимал сморщенный пакет из-под чипсов – как знамя утраченного рая.

– Чипсы конфисковали, – констатировал он. – Молоко вылакали. А я сижу и жду.

– Чего именно ждёшь, сын мой? – любопытствовал Батюшка.

– Справедливости. Или хотя бы подаяния в виде пачки «со сметаной и луком».

– Справедливость – баба с характером, – философски заметил Батюшка. – А чипсы... чипсы можно у Сары выпросить. Она из обычной картошки да святой веры такие деликатесы творит – пальцы по локоть откусить можно.

Арсен одарил Батюшку тяжёлым, немигающим взглядом.

– Я в чудеса не инвестирую. Я верю в хрустящую картошку и цельное молоко. Всё остальное – маркетинговый ход Кодзи.

Батюшка тяжело вздохнул. Поднялся во весь рост. Взял самый увесистый веник и хлестнул себя по пояснице. Крякнул. Удовлетворённо крякнул.

– Ох, непросто нам дастся эта планета, – сказал он. – Но кто бы там ни верховодил – Господь, Пустота или этот багованный Кодзи, – своих они не бросят. Потому что мы – сауна. А сауна – это не пристройка. Это состояние духа. Это когда реальность тебя жарит, а ты крепчаешь. В конце концов, всегда наступает облегчение.

– А если не наступит? – подал голос философ.

– Значит, пару мало поддал. Подбрось ещё на камни.

Мужик с удочкой, примостившийся в углу, вдруг напрягся. Его леска, уходившая прямо в древесину стены и исчезавшая в метафизическом «никуда», резко натянулась.

– Тихо! – сказал он.

Все замерли. Слышно было только, как капает пот на раскалённые камни.

– Клюёт? – шепотом спросил алкаш с иконой.

Мужик подался вперёд, вслушиваясь в вибрации лески. Кончик удилица мелко дрожал.

– Непонятно, – прошептал он. – Может, и клюёт. А может, это Кодзи икнул в другом измерении. Или БНД пытается прикрепить штрафную квитанцию к моему крючку.

Он замер ещё на минуту, превратившись в соляной столп ожидания. Затем плечи его опали, он тяжело вздохнул и ослабил натяжение.

– Ложная тревога. Показалось.

– Сорок два года... – сочувственно протянул Батюшка.

– Именно сорок два, – подтвердил мужик с удочкой. – Но я не уйду. Клёв – это высшая форма веры. Это когда ждёшь рыбу там, где даже воды не предусмотрено.

– Истинно так, – сказал Батюшка.

Он перекрестился. Пластиковая бутылка со святой водой одобрительно булькнула.

– И С МОЕЙ ВИЛКОЙ! – донёсся с улицы победный вопль Глинки.

– И с вилкой, – вздохнул Батюшка. – Куда ж мы без этой штуковины. Главное – чтобы с Божьей помощью и без членовредительства. А уж если припечёт – то с молитвой на устах и веником наперевес.

Алкаши синхронно кивнули. В сауне стало ощутимо жарче. И дело было вовсе не в печке. А в решимости. Густой, как дёготь. И горячей, как угли.

Пока на веранде ели шашлык, в кухне строили политические козни, а в сауне парились и философствовали, в коридоре отеля разворачивалась драма. Не та драма, которую показывают в театрах, а та житейская катастрофа, которая случается, когда у тебя отваливается нога и она внезапно решает построить карьеру.

Костя скакал по коридору на левой ноге. Правая нога, которую он три дня назад потерял в супермаркете у стойки с сыром, по слухам, сделала блестящий рывок в Бюро Свободных Конечностей. Теперь она занимала должность младшего специалиста по координации пере-

движений и отказывалась возвращаться, мотивируя это тем, что «голова – это балласт, а тело – просто средство передвижения».

– Ну вернись, – канючил Костя, прыгая к выходу. – Я без тебя как без ноги. Буквально. У меня один ботинок, и тот левый. А правый пылится в шкафу, плачет шнурками, вспоминает тебя.

– Нет, – донеслось из-за угла. Голос у ноги был тонкий, капризный, с бюрократическими нотками. – У меня здесь перспективы. Мне обещали повышение. Я буду начальником отдела.левой ногой, конечно. Правая всегда была амбициознее.

– Какая разница – левая или правая? – простонал Костя. – Вы обе мои.

– Вот именно, – обиженно сказала нога. – Твои. А я хочу быть своей. У меня есть имя. Меня зовут... я ещё не придумала, но звучать будет гордо. Стефания. Или Гертруда. Что-то солидное, начальственное.

Костя остановился. Прислонился к стене. Голова его устало свесилась на грудь.

– Эби, – позвал он. – У меня нога бунтует.

Эби появилась в конце коридора с чашкой чая. Она посмотрела на мужа, на его одинокий ботинок, на пустой рукав (рука открыла детективное агентство с вилкой Глинки) и вздохнула так глубоко, что в соседнем номере задребезжали стаканы.

– Опять? – спросила она.

– Опять, – сказал Костя. – Теперь она хочет быть Стефанией и работать в Бюро Свободных Конечностей.

– У них что, вакансии для нижних конечностей?

– Говорят, да. Требования: наличие суставов, умение шагать в ногу со временем и отсутствие мозолей. У меня, кстати, мозолей нет. Я аккуратный.

Эби подошла ближе, присела на корточки и заглянула за угол. Там, пританцовывая на мыске, стояла правая нога Кости. Она была обута в тапочек с уточкой (Федя одолжил) и выглядела на удивление самодостаточной.

– Слушай, нога, – сказала Эби. – А кто будет платить за твои суставы? За обслуживание? Костя, между прочим, тебя кормит, поит, мажет кремом перед сном.

– Он меня не ценит, – капризно сказала нога. – Он на меня наступает каждый день. Буквально.

– Так ты для того и нужна, чтобы на тебя наступали. Это твоя работа.

– А я хочу другую работу. Я хочу, чтобы на меня смотрели, а не наступали.

Эби выпрямилась, посмотрела на Костю. Тот смотрел на неё с надеждой, как щенок, который потерял поводок.

– Неси клей, – сказала Эби. – И запасной глаз. Я попробую договориться.

– Клей у Михалыча, – сказал Костя. – А глаз в тумбочке. В правой. Нет, в левой. Я запутался.

Эби вздохнула и пошла искать клей. Нога, почуввав угрозу, нервно дёрнулась и попыталась убежать, но споткнулась о собственный мысок и упала.

– Это насилие, – сказала нога. – Я буду жаловаться в БНД.

– Жалуйся, – сказал Костя, садясь на пол и протягивая руку к ноге. Руки, правда, не было – она была в агентстве. Костя лёг на пол и пополз.

– Это унижительно, – сказала нога.

– Это жизнь, – сказал Костя.

В конце коридора показался Михалыч. Он нёс ящик с инструментами, отвёртку, моток синей изоляции и банку с божественным клеем. Рядом семенила Зинаида Петровна с вязанием в руках.

– Сынок, – сказала она, – я тебе новые носки связала. С уточками. Как ты любишь.

– Мама, у меня нога убегает, – пожаловался Костя.

– У меня тоже иногда руки отваливаются, – сказала Зинаида Петровна. – Я их клею. И дальше вяжу. Главное – не паниковать. Паника – это когда нервные окончания сдают без боя. А ты у нас боец. Встанешь. И ногу приклеим. Куда она денется.

Нога попыталась встать и убежать снова. Но Михалыч уже подошёл, ловко схватил её за щиколотку и прижал к полу.

– Сидеть, – сказал Михалыч. – Сказано – нога, значит – нога. А не начальник отдела. Начальники от дела в креслах сидят, а ты должна на земле стоять. Вернее, на полу. Прямо сейчас.

– Я буду кричать, – сказала нога.

– Кричи, – сказал Михалыч, доставая кисточку и макая её в божественный клей. – Крики здесь не запрещены. Формы нет. Пока.

Он ловко примазал клей к культе Кости и приставил ногу. Нога дёрнулась, повернулась, попыталась вырваться, но клей был божественным. Он держал даже то, что не должно было держаться. Даже смысл. Даже надежду. Даже капризные конечности.

– Готово, – сказал Михалыч, вытирая руки о штаны. – Только не бегай первый час. И не чихай. А то отвалится.

– А если чихну? – спросил Костя.

– Тогда зови Эби. У неё глаз наметан и терпение стратегического запаса.

Костя осторожно встал. Нога держала. Не шаталась. Не капризничала. Молчала. Может, смирилась. Может, притворялась. Время покажет.

– Спасибо, пап, – сказал Костя.

– Обращайся, – сказал Михалыч, закрывая ящик с инструментами. – Я тут узнал, у них на Планете Пузырей есть магазин запчастей. Если что – привезут. С доставкой. Форму только заполнить.

– Какую форму?

– А кто ж его знает. Наверное, 1-Н «Нога как комплектующее». Или 2-Н «Носки в комплекте не идут».

Зинаида Петровна протянула Кости новые носки. С уточками. Костя надел их на обе ноги – и на ту, что приклеили, и на ту, что не отваливалась. Уточки на носках одобрительно замигали.

– Теперь я целый, – сказал Костя.

– Почти, – поправила Эби, подходя к нему и заглядывая в пустой рукав. – Рука где?

– В агентстве. Расследует дело о пропавшей форме 13-К.

– Рука не может расследовать дело о пропавшей форме.

– А она расследует. С вилкой. Они теперь партнёры.

Эби вздохнула. Взяла Костю за локоть – тот самый, где когда-то была рука, – и повела на веранду.

– Пойдём, – сказала она. – Шашлык стынет. А рука... рука вернётся. Куда она денется. У неё там когтей нет. Только пальцы. Пять штук. И один из них средний.

– Она им гордится, – сказал Костя.

– Я знаю, – сказала Эби. – Я тоже.

Они ушли. Михалыч подхватил ящик и направился в номер. Зинаида Петровна осталась в коридоре одна. Она присела на банкетку, достала спицы и начала вязать новый носок. Для Феди. С уточками. Покрупнее.

– Всё будет хорошо, – сказала она пустому коридору.

Коридор в ответ скрипнул половицей. То ли подтвердил прогноз, то ли просто согласился. Какая разница.

Пока внизу кипела жизнь – ели, спорили, принудительно воссоединяли конечности, – на крыше отеля воцарилась особая, разреженная атмосфера. Там, где ветер Планеты Пузырей

приобретал отчётливый привкус бергамота (Великий Чайник старался изо всех сил), а звёзды светили как-то особенно бестолково, собрались те, кто предпочитал высоту и тишину.

Федя сидел на самом краю парапета, свесив лапы в бездонную синеву. Тапочки с уточками болтались на его трёх лапах, а четвёртый – тот, что бесследно исчез ещё во время переезда, – так и не нашёлся. Иногда Федя всматривался в горизонт, надеясь, что потерянный тапок проплывёт мимо верхом на шальной запятой, но небо оставалось пустым. Даже знаки препинания сегодня взяли отгул.

Рядом с ним, нелепо скрестив длинные ноги и водрузив на голову фуражку Кракена Архипа (кто её приташил – загадка), сидел Кодзи 1.0. Бог с длинными руками, торчащим носом, глазами разного размера и привычкой чихать гоблинами выглядел задумчивым. Это был плохой знак. Когда Кодзи погружался в раздумья, реальность начинала скрипеть.

– Скучно, – сказал Федя, дрыгнув уточкой.

– Ужасно, – согласился Кодзи.

– А когда чихнёшь?

– Не идёт. Настроения нет.

– Как это – нет? – удивился Федя. – Ты же ходячая фабрика сюрпризов. Чихнул – гоблин.

Чихнул – звезда. Чихнул – сырная галактика.

– Выдохся, – вздохнул Кодзи. – Понимаешь, Федя, чихать по расписанию – это не творчество. Это конвейер. А я хочу экспромта. Чтобы с душой.

– А с душой – это как?

Кодзи задумался ещё глубже. Где-то внизу пузырь случайно аннулировал рассвет и начал заполнять форму 1-Р «Возврат утраченного времени».

– С душой – это когда чихаешь не от пыли, а от того, что внутри щекочет. Когда результат удивляет даже тебя. Когда гоблин получается не просто зелёной массой, а личностью. С характером. Или хотя бы с дефектом речи. Какая разница. Главное – чтобы внезапно.

Федя почесал лапой за ухом. Уточка на заднем тапочке одобрительно крякнула.

– А ты пробовал чихнуть специально? Чтобы получилось что-то особенное?

– Было дело, – понурился Кодзи. – В прошлый раз хотел создать бабочку. А получился барсук. С носом на затылке и тяжёлым характером. Барсук обиделся, накатав жалобу в БНД. Теперь у меня на форме 1-К висит предупреждение.

– А если не чихать, а икнуть?

– Икота – это чёрные дыры. А чёрные дыры – это бумажная волокита. Пузыри до сих пор оформляют прошлую. Форма 1-ЧД «Чёрная дыра как недвижимость». Ещё три тысячи лет, говорят.

Федя вздохнул. Кодзи вздохнул. Ветер принёс запах шашлыка.

– Эби говорит: если долго думать, можно забыть, зачем думал, – сказал Федя. – Она говорит, главное – действие. Даже если оно неправильное. Неправильное действие можно приклеить. Как ногу Кости.

– Твоя Эби мудрая, – сказал Кодзи. – Но она вампир. У неё вечность. А я бог. У меня тоже вечность. Но это слишком много, чтобы бояться ошибиться.

– Да чихни уже! – не выдержал Федя. – Просто бабахни. Выскочит гоблин – накормим шашлыком. Выскочит барсук – нальём вина. А если звезда – я примотаю её к лапе. У меня как раз место есть.

Кодзи посмотрел на Федю. На его три тапочка. На уточку, замершую в ожидании. И в его глазах-разнокалибрах промелькнула искра.

– Ладно, – сказал он. – Но чихаем вместе. В компании и апокалипсис веселее.

– А что будет?

– Понятия не имею. Тем и ценно.

Они чихнули одновременно.

Мир вздрогнул. Внизу пузыри посыпались со своих запятых, барсуки поперхнулись вином, а Великий Чайник выдал такой столб пара, что соседние туманности заволновались.

Из ниоткуда появился гоблин. Не простой. На голове у него сияла маленькая звезда, на ногах – три тапочка с уточками, а в руке – вилка. Гоблин огляделся, посмотрел на Кодзи, на Федю, на свои лапы.

– ЧТО ЭТО ЗА ХРЕНЬ?! – заорал он. – Я ТОЛЬКО РОДИЛСЯ, А У МЕНЯ УЖЕ ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ ПРИМОЧЕК? ЭТО БОНУС ИЛИ Я ВЫИГРАЛ ЛОТЕРЕЮ?

– Повезло, – сказал Федя. – У меня тоже три тапочка. Четвёртый потерялся.

– ПОТЕРЯЛСЯ? НАДО НАЙТИ!

– Ищу. Сорок два года, если надо.

Гоблин вскинул вилку. Звезда на его голове вспыхнула.

– ТЕПЕРЬ Я – ЗВЕЗДНО-ТАПОЧНЫЙ ГОБЛИН! ЗВУЧИТ!

– Звучит, – согласился Кодзи.

– А ТЫ КТО?

– Тот, кто тебя создал. Чихнул – и ты появился.

– ЧИХНУЛ? – Гоблин возмущённо насупился. – ТО ЕСТЬ Я – ПРОСТО СОПЛЯ?

ОШИБКА?

– Не ошибка, – сказал Кодзи. – Баг, ставший фичей. Это почётно.

– И ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

– Иди вниз, – сказал Федя. – Там шашлык. И Глинка с вилок. Скажи, что ты звездно-тапочный. Она поймёт. Или не поймёт. Но вилку покажешь – не тронет.

Гоблин спрыгнул с крыши, оседлал пролетающую запятую и улетел.

Федя и Кодзи остались вдвоём.

– Хороший получился, – сказал Федя.

– Неплохой, – согласился Кодзи.

– А звезда? Мы чихнули вместе. Ты – гоблина, я – звезду. Где звезда?

Кодзи посмотрел на небо. Одна из звёзд – самая маленькая и наглая – сорвалась с места и полетела вниз.

– Вон она.

Звезда упала прямо в огород тёти Глаши. Помидоры начали светиться. Тётя Глаша сказала: «Теперь у меня не грядки, а танцпол».

– Примотаем? – спросил Федя, доставая синюю изоленту.

– Примотаем, – сказал Кодзи.

Они спустились в сад. Звезда уже ждала. Тёплая. Маленькая. Почти домашняя. Федя примотал её к четвёртой лапе – туда, где когда-то был тапок.

– Теперь у меня снова четыре, – сказал Федя. – Три уточки и одна звезда.

– Стильно, – оценил Кодзи.

– Эби обрадуется.

– Эби обрадуется, что мы не разнесли крышу.

Федя тихо чихнул. Искра улетела в небо и зажгла новую звезду. На память.

– Пойдём, – сказал Кодзи. – Шашлык стынет.

– А ты ешь? Ты же бог.

– Боги вообще-то не едят. Но для шашлыка Мамы Сары сделаю исключение. Она сказала, барашек верил в реинкарнацию. Философию я уважаю.

Они ушли. Крыша опустела.

Внизу звездно-тапочный гоблин уже знакомился с Глинкой.

– У ТЕБЯ ВИЛКА! И У МЕНЯ ВИЛКА! МЫ – КЛАН!

– Какой ещё клан? – возмутилась Глинка.

– ЗВЕЗДНО-ТАПОЧНЫЙ! НАЗВАНИЕ ПОТОМ ПРИДУМАЕМ!

Глинка хотела возразить, но посмотрела на его звезду, на тапочки, на вилку. И вздохнула.

– Ладно. Будешь моим заместителем. Но вилку не трогай. Она моя.

– А МОЯ?

– Твоя – запасная.

Гоблин засиял. Буквально.

А на крыше, в тёмном углу за трубой, сидела Пустота. Она пила чай и улыбалась.

– Хорошо получилось, – прошептала она. – Я же говорила. Ошибки – это не баги. Это фичи.

Никто не услышал. Но это неважно. Главное, что она сказала.

ГЛАВА 2

В самом сердце Планеты Пузырей, там, где ткань реальности истончилась до состояния папиросной бумаги, располагалось здание Бюро Недвижимых Движений. Воздух здесь был пропитан запахом чернил и упущенных возможностей – его можно было разливать по флаконам и продавать как депрессант. Здание не возводили строители. Оно выросло само, как ядовитый гриб, из переполненной корзины неоплаченных штрафов и забытых черновиков. Шептались, что если неотрывно смотреть на его серый, разлинованный в клетку фасад, можно увидеть собственное будущее: очереди, ожидание и круглую печать в правом нижнем углу сознания.

Внутри, в зале заседаний, освещаемом единственной люминесцентной лампой, которая моргала с частотой предсмертной агонии, собрался Высший Совет БНД. Члены совета – Главный, Второй, Третий, Четвёртый – неподвижно застыли за длинным столом, обтянутым зелёным сукном. Сукно было в дырах: его десятилетиями методично проедала канцелярская моль, игнорирующая обычную шерсть и питающаяся исключительно невыполненными обещаниями.

Главный офицер восседал во главе стола. Его скафандр, выкованный из пластин уплотнённого уныния, сегодня был выглажен до зеркального блеска. Жезл-вилка покоился перед ним в горизонтальном положении. Это был дурной знак: совет собрался не ради протокольной скуки, а ради решения.

– Господа, – начал Главный, обводя подчинённых взглядом. – Мы столкнулись с системным сбоем. Три дня назад объекты совершили несанкционированное перемещение и приземлились в центре нашей юрисдикции. Отель «Атлантида-Палас» и его контингент.

Второй офицер, который регулярно терял печать и находил её в самых неожиданных местах (однажды – внутри закрытого дела, что привело к аннулированию реальности в отдельно взятом кабинете), робко поднял руку.

– Сэр, форма 1-М «Перемещение недвижимости» была подана? Я проверил архивы. Пусто. Ни подписи, ни карандашной пометки.

– В том и проблема, – сказал Главный. – Захват территории произошёл без разрешений, без уведомлений, без уважения к Великой Печати. Это не просто инцидент. Это плевок в лицо бюрократии.

Третий офицер, хронически экономящий слова для диктовки протоколов, хмуро добавил:

– Пустота на их стороне. Форма 1-П «Контакт с высшей сущностью» не существует. Она аморфна.

– Пустота – фактор нестабильности, – согласился Главный. – Но главная угроза – в обитателях. Вампиры без лицензий. Зомби без справок о смерти. Драконы-нелегалы. Говорящие мангалы. Феи с кактусами. И этот Форшмак. Закуска уже подала заявку в парламент Барсуконии.

– Форшмак? – Второй брезгливо скривился. – Какая политическая сила у рыбного паштета?

– Он заполнил форму 7-П «Политическая амбиция». Безукоризненно. И приложил печать. Откуда у закуски печать – тайна, покрытая рассолом. Но форма есть форма. Мы не можем её игнорировать.

Четвёртый офицер, до этого момента крутивший в пальцах скрепку, подал голос:

– А Глинка? Гоблинка с вилкой. Она трижды атаковала патруль. Пузыри в панике. Отказываются выходить на работу без формы 3-С «Страх как уважительная причина».

– Глинка – аномалия, – вздохнул Главный. – Она зелёная, шумная и вооружена. Но вилка – это не ложка. На ложку у нас есть инструкции. На вилку – ничего. Вилка разделяет. Наша миссия – объединение и систематизация. Будь она проклята.

Он стукнул кулаком по столу. Сукно вздрогнуло, выпустив облако пыли. В пыли недовольно заворочалась канцелярская моль.

– Будь она проклята, эта систематизация, – прошептал он.

– Что будем делать? – спросил Второй.

– Выписываем коллективный штраф. Форма 13-UNHOLY. Пункты: несанкционированное вторжение, отсутствие документов, немаркированные конечности, пропаганда колющих столовых приборов.

– А если не заплатят?

– Блокада. Никто не входит и не выходит. Ни еды, ни воды, ни запятых, ни уточек.

– Но у них там шашлык, – тихо заметил Четвёртый. – Моя улитка трижды пыталась дезертировать. Пришлось выписывать ей предупреждение.

– Шашлык – не аргумент, – отрезал Главный. – Шашлык – это еда. Еда – форма 1-Е «Питание как необходимость». Без формы они не имеют права есть.

– А право на жизнь?

– Право на жизнь – форма 1-Ж. В трёх экземплярах. Архив, сейф, и один – себе на память. Без формы жизнь юридически ничтожна. Параграф 1, пункт 1. Кто не согласен – обжалует. Форма 1-О. Очередь – триста лет.

В зале повисла тишина. Лампа моргала. Моль скреблась.

– А если они призовут Пустоту? – спросил Второй.

– Пустота – это содержание, – сказал Главный. – Мы работаем с формами. Пустота пусть остаётся пустотой. Наша задача – чтобы всё остальное было заполнено. Чернилами и печатями.

Он поднял жезл-вилку, поставил вертикально. Дискуссия окончена. Начинается операция.

– Снаряжайте улиток, – скомандовал он. – Блокада начинается завтра на рассвете. Мы уморим их голодом. В рамках закона.

Офицеры поднялись. Скафандры зашуршали.

Только Четвёртый остался сидеть. Он смотрел в окно, где за кривыми башнями виднелся отель. Над ним вился дымок. Пахло шашлыком.

– Я выхожу, – сказал он.

– Что?

– Я не пойду блокировать отель. Там шашлык. А у нас – форма 1-Е и пыльные папки. Я хочу есть.

– Это нарушение формы 1-П «Повиновение».

– Выписывайте штраф. Оплачу помидорами из сада тёти Глаши.

Он снял скафандр, перекинул через спинку стула и вышел. В сторону запаха свободы.

Главный смотрел ему вслед. Потом перевёл взгляд на остальных.

– Ещё желающие?

Никто не ответил. Но никто и не шагнул вперёд.

– Тогда за работу. Без него. Блокада утверждена. Улитки накормлены. Вперёд.

Когда зал опустел, Главный остался один. Он посмотрел на брошенный скафандр, на дырявое сукно, на моргающую лампу.

– Я тоже хочу шашлык, – прошептал он. – Но на мне форма 1-Д «Должность как крест». И никто не имеет права её аннулировать.

Он вздохнул, поправил воротник и вышел.

В зале осталась только канцелярская моль. Она доела невыполненные обещания и принялась за инструкции. Инструкции были безвкусными. Но на этой планете ничего другого не предлагали.

Рассвет на Планете Пузырей наступил неохотно, словно старый чиновник, вынужденный открывать архив за пять минут до обеда. Солнце – зелёное, кислое, с привкусом вчерашнего компота – выползло из-за кривых башен и замерло, сомневаясь, стоит ли вообще запускать этот цикл реальности. Пузыри, которые всю ночь заполняли бланки и спорили об эталонной температуре чайной ложки, наконец разошлись по своим прозрачным домам. Улицы опустели. Вдалеке Великий Чайник выпустил первую порцию утреннего пара – бергамотный аромат поплыл над городом, смешиваясь с вечным запахом шашлыка, который не выветривался из отеля уже третьи сутки.

В отеле тоже готовились к осаде. По-своему. С шашлыком и философией.

Ася стояла у окна в лобби, заложив руки за спину, и смотрела на оцепление. Вдоль дороги, ведущей к крыльцу, выстроились улитки. Не простые, а боевые – в роговых очках, с нашивками на панцирях и маленькими жезлами-вилками, примотанными к раковинам синей изолентой. На каждой улитке восседал офицер БНД в скафандре из уплотнённого уныния. Они не двигались. Они ждали, пока реальность прогнётся под тяжестью их присутствия.

– Сёма, – позвала Ася, не оборачиваясь. – Они пришли.

Сёма сидел на диване, шурша свежими бинтами. Бантик на его локте завязался в узел «осадное положение».

– Таки я говорил, – вздохнул он. – Органы без формы в атаку не ходят. А раз они выкачали улиток, значит, форму уже завизировали.

– Какую?

– Форму 1-Б «Блокада как метод убеждения». Или 2-Б «Блокада как последний аргумент». Какая разница. Важно, что мы в кольце.

В лобби бесшумно вошла Эби с чашкой чая. Спокойная, как всегда.

– Блокада, – сказала она, глянув на улиток. – Значит, переходим на режим экономии шашлыка.

– Мама Сара устроит ад, – заметила Ася.

– Мама Сара устроит ад, только если у неё конфискуют мангал. А шашлык она сотворит из чистого эфира. Была бы вера в маринад и пара луковиц в заначке.

– Лук есть?

– Лук есть. И помидоры. Тётя Глаша передала через контрабандную запяную. Сказала, если БНД не уйдёт до субботы, она явится сама. С авоськой.

Сёма и Ася невольно втянули головы в плечи. Угроза тёти Глаши с авоськой стояла выше санкций БНД и гнева Кодзи.

В дверях показалась Глинка. Вилка в руке подрагивала от нетерпения, в глазах плясали зелёные искры.

– Разрешите пойти продырявить пару панцирей? – спросила она. – Для профилактики.

– Сначала завтрак, – отрезала Эби. – Голодный гоблин – хаос без вектора. Потом будешь дырявить казённые улитки.

– А если они начнут штурм?

– Не начнут. У них форма 1-Ш «Штурм как крайняя мера» зависла в седьмом круге согласования. Говорят, не хватает скрепок.

Глинка хотела возразить, но из кухни донёсся голос Мама Сары:

– Завтрак! Мясо стынет и теряет политическую значимость! Кто опоздает – будет доедать формы БНД, даже без соли!

Глинка вздохнула, опустила вилку и побрела на веранду.

Там уже кипела жизнь. Мама Сара стояла у мангала, переворачивая шампуры, словно судьбы мира. Дядя Толя поливал кактус. Клавдия Ивановна калибровала бульбулятор. Сергеич с Белочкой заняли свои места.

– Блокада, – сказал Сергеич, когда все расселись. – Я такое в водопроводе наблюдал. Ещё в прошлом тысячелетии. Мыши объявили суверенную республику и заблокировали сток. Продержались три дня. Сдались за кусок сыра.

– Сыр у нас есть, – заметила Клавдия Ивановна. – И вино. Барсуки вчера прикатили бочку. Лично чихали в неё для игристости.

– Барсуки – наши друзья? – спросила Ася.

– Барсуки – наши собутыльники, – поправил дядя Толя. – Это разные вещи. Идейные соратники могут предать за мешок текилы. Собутыльники – никогда.

Пустота возникла из ниоткуда, села в кресло, которое материализовалось под ней из вежливости. Взяла кружку, отпила.

– Ну что, внучата, – сказала она. – БНД у ворот. Шашлык на столе. Жизнь достигла пика абсурда. Всё как я люблю.

– Ты сможешь? – спросила Эби.

– Я уже помогаю. Я пью ваш чай и создаю неопределённость. Это моя работа. А вы ешьте. Сытый боец пугает врага непредсказуемостью. Голодный – только злобой.

Она посмотрела в сторону улицы, где застыли улитки.

– И не бойтесь их. Под скафандрами такие же потерянные существа, как и вы. Разница в том, что они верят в бумагу, а вы – в маринад. А бумага, как известно, самовоспламеняется при контакте с истиной.

– Ты подожжёшь их формы? – оживился Федя, выскакивая из-за стола.

– Лично – вряд ли. Но если пространство потребует – почему бы и нет.

Федя радостно чихнул. Искра вылетела в окно и угодила прямо в раковину головной улитки. Панцирь задымился. Офицер засуетился, доставая форму 4-П «Пожар как чрезвычайная ситуация».

– ЭБИ! Я ПОДЖЁГ УЛИТКУ!

– Молодец, – сказала Эби. – Садись. Ешь.

Блокада началась. Но на веранде пахло шашлыком, и даже боевые улитки начали сомневаться в незыблемости устава. А это, как известно, первый шаг к дезертирству.

Парламент Барсуконии располагался в самом неудобном месте Мира Гоблинов – на перекрёстке всех семи сквозняков, зажатый между шумным сырным рынком и винной бочкой, которая служила одновременно главной достопримечательностью и общественным санузелом для нетрезвых депутатов. Здание представляло собой громоздкую конструкцию из спрессованных пробок, пожелтевших лозунгов и пустых бутылок, местами склеенных забродившим вареньем. Оно накренилось на левый бок ещё на стадии фундамента, и с тех пор угол наклона только рос. Барсуки находили в этом свою логику – так они чувствовали себя ближе к земле, с которой начиналась их родословная.

Внутри стоял невообразимый гвалт. Барсуки теснились на скамьях, расставленных крутым амфитеатром, и коллективно чихали выдержанным вином. Поскольку носы у почтенных парламентариев росли преимущественно на затылках, чихали они аккуратно на соседей с задних рядов. Это создавало устойчивую обратную связь и превращало заседания из чисто политических в климатические явления местного масштаба.

Председатель парламента – почтенный барсук с седыми бакенбардами и носом, уютно расположившимся прямо на шее – стукнул деревянной ложкой по столу. Ложка была высшим символом власти. Барсуки принципиально ею не ели – для трапезы существовали вилки, – но вилка считалась символом социального раскола, а в вопросах церемониала барсуки оставались консерваторами.

– Коллеги, призываю к тишине! – прохрипел Председатель. – На повестке дня вопрос о предоставлении политического убежища объекту, классифицированному как «Форшмак». Закуска подала заявку на регистрацию в качестве независимого кандидата. Кто за, кто против? Голосуем хвостами.

Барсук-Винопукал, ответственный за внешнюю сырную экспансию, немедленно взметнул хвост.

– Я против. Этот субъект даже не барсук. У него нос спереди. Это нонсенс и глумление над традициями.

– Нос спереди не мешает ему говорить, – возразил Барсук-Сырогрыз, курировавший внутренний порядок. – В то время как некоторые наши избранники за последние сорок лет научились только чихать в унисон. Прошу прощения, коллеги, это факт.

В зале обиженно зачихали.

– К тому же, – продолжал Сырогрыз, – Форшмак предоставил полный пакет документов. Форма 1-Я «Явление как политический жест», форма 2-Я «Явление как гастрономическая данность», форма 3-Я «Явление как вызов миропорядку». Всё подписано и скреплено печатью.

– Откуда у паштета взялась печать? – возмутился Винопукал.

– Происхождение инструментария не уточняется. Но оттиск есть. А печать, как известно, обсуждению не подлежит.

Председатель задумчиво почесал нос на шее, который из-за неудачного расположения чесался в самый неподходящий момент.

– Будут ещё мнения?

С дальних рядов поднялся молодой барсук. Он недавно закончил парламентскую школу и всё ещё страдал от избытка энтузиазма, который старшие товарищи уже ненавидели.

– Полагаю, – сказал он, – мы обязаны дать этому кулинарному изделию шанс. Его программа: «Сыр, вино и шашлык – каждому по способностям желудка». Звучит разумно.

– Шашлык не входит в нашу компетенцию, – отрезал Винопукал. – Шашлык – это отель. Отель – это БНД. А БНД – это головная боль. Нам своих проблем хватает.

– Каких проблем?

– Хотя бы той, что наша рейсовая запятая дезертировала. По слухам, её перехватил какой-то мужик с удочкой. Теперь она стоит в отеле и ждёт клёва. Это паралич межмировой навигации.

Зал взорвался возмущёнными криками. Запятые были стратегическим ресурсом. Без них барсуки теряли мобильность.

– Тишина! – Председатель снова стукнул ложкой. – Вернёмся к Форшмаку. Заявка есть, документы в порядке, печать на месте. Ставлю на голосование. Кто за предоставление убежища закуске?

Поднялись хвосты. Много, но не большинство.

– Кто против?

Взметнулась другая половина. Примерно столько же.

– Воздержавшиеся?

Те, кто в этот момент чихал, автоматически считались воздержавшимися. Их оказалось большинство.

– Голосование признано несостоявшимся по техническим причинам, – объявил Председатель. – Вопрос откладывается до следующего созыва. А следующий созыв – через триста стандартных лет. Возражения есть?

Возражений не было. Барсуки привыкли ждать. Триста лет – не срок, а лёгкая пауза, чтобы перекурить и проветрить носы.

В этот момент двери распахнулись. На пороге возник Форшмак. В банке. С вилкой в руке. Сельдерей возвышался за ним, как молчаливый телохранитель.

– Я не намерен мариноваться три века! – заявил Форшмак. – У меня программа, избиратели и право быть переваренным историей!

– У тебя есть право подать форму 7-О «Апелляция на медлительность власти», – зевнул Председатель. – Очередь – двести лет. Следующий!

– Это произвол!

– Это суверенная демократия, – вздохнул Винопукал. – Дистанция между ними микроскопическая. Привыкай.

Сельдерей, до этого момента неподвижный, вдруг качнулся. Один раз. Медленно. Вся тишина парламента стала ещё тише.

– Что это? – прошептал молодой барсук.

– Это Сельдерей, – ответил старый. – Он говорит редко. Но если уж качнулся – аргументы кончились.

Сельдерей качнулся ещё раз. Резче. Форшмак понял жест.

– Мы уходим, – сказал он. – Но это тактический манёвр. У нас есть вилка, программа и терпение консервов. Нас можно хранить вечно. А ваши полномочия рано или поздно протухнут.

Он развернул банку и покатился к выходу. Сельдерей – за ним.

Барсуки смотрели им вслед.

– Странный тип, – сказал Винопукал.

– Амбициозный продукт, – заметил Сырогрыз.

– Интересно, каков он на вкус? – спросил молодой.

Ему никто не ответил. Дегустация политических оппонентов считалась дурным тоном. Хотя мысли об этом посещали многих.

А за окнами парламента уже собирались гоблины. Они требовали еды, вилок и хоть какого-то смысла. Не обязательно в этом порядке.

В то время как на поверхности вовсю бурлила политическая и гастрономическая жизнь – барсуки голосовали хвостами, Форшмак отстаивал право быть переваренным историей, – в глубине канализационных магистралей Планеты Пузырей царил иная атмосфера. БНД тем временем стягивало кольцо блокады, но это уже другая история.

Там, где стены сочились вековой влагой, а воздух весил, как пудовая гиря, проходило тайное совещание. Единственный свет исходил от колоний флуоресцентных светлячков-мутантов, которые светили не столько для пользы, сколько по привычке.

Сергеич восседал на изъеденном временем ящике, который в незапамятные времена служил тронем крысиному королю. Его щупальца меланхолично перебирали бумаги, выловленные из потока. Документы основательно размокли, но это не лишало их силы – они оставались формами, а формы, как известно, боятся лишь открытого огня и внезапных вспышек здравого смысла.

Белочка устроилась на плече Сергеича, строго цокала и метко запускала острые орехи в проплывающие мимо афедроны. Эти местные обитатели, похожие на крайне подавленные резиновые груши, обиженно пищали и уплывали прочь.

– Цок, – сказала Белочка. Это означало: «Долго мы ещё будем здесь сидеть? У меня лапы замерзли».

– Терпение, – ответил Сергеич. – Гость задерживается.

– Кто на этот раз?

– Тот, кто предпочёл тактическое отступление сырной тирании. Тот, кто променял пафос крыльев на тишину труб. Тот, кто варит гравитационный чай.

Из глубины туннеля донесся шорох, плеск, а затем ругательство, которое на языке архангелов звучало как: «Проклятье, я опять наступил в лужу».

Из-за поворота показался Люцифер. Он выглядел потерявшим всю святость: без скафандра, без плаща, без атрибутов бывшего величия. На нём были тапки Сергеича – великоватые, но тёплые, – профессорская шапочка, выданная для солидности, и выражение лица человека, который нашёл покой там, где его никто не ищет.

– Ты опоздал, – заметил Сергеич.

– Архангелы не опаздывают, – парировал Люцифер, устраиваясь на перевёрнутом ведре. – Мы соизволяем явиться, когда ситуация достигает пика комизма. А здесь стало смешно десять минут назад.

– Что наверху?

– Организованный хаос. БНД затянуло петлю. Улитки с жезлами замерли у отеля в позе немного укора. Глинка рвётся в бой. Форшмак штурмует парламент. Пустота пьёт чай и создаёт волны неопределённости. В общем, декорации сменились, сценарий прежний.

– А ты? Каков твой вектор?

– Мой вектор направлен строго вниз, – усмехнулся Люцифер. – Дезертирство – лучшая форма творчества. Там – сыр, формы и бюрократия. А здесь – трубы. Здесь тишина. Белочка с её баллистическими орехами. Ты с твоей мудростью. Здесь я могу просто существовать, не заполняя ничего. Даже мыслей.

– Мысли в формах не нуждаются, – заметил Сергеич. – Их и так много. И все нелегализованные.

– Именно.

Белочка цокнула снова. Теперь это означало: «Вы оба философы. А я хочу есть».

– Секунду, – Сергеич запустил щупальце в складку одеяния и извлёк бутерброд. С кровью. Для Люцифера.

Тот принял, критически осмотрел и надкусил.

– Божественно. Мама Сара?

– Она. Передала через трубы. Сказала: «Архангел – тоже человек, хоть и с дефектами. Пусть ест».

Люцифер жевал молча. Белочка грызла орех. Сергеич смотрел на воду, уносящую обрывки форм, невыполненные обещания и чьи-то потерянные надежды.

– Как думаешь, – спросил Люцифер, – они справятся?

– Конкретизируй.

– Наши. Те, кто в отеле. Эби, Костя, Ася, Сёма, Глинка, Федя... весь этот цирк.

– Трубы всё знают, – сказал Сергеич. – Но я отвечу как старый бог на пенсии. Они справятся. У них есть то, чего нет у БНД.

– Что?

– Шашлык. Семья. Изолента. Вилка. И Пустота, которая за них. А у БНД – бумага. Бумага горит при контакте с реальностью.

– Ты же говорил, что не жёг формы.

– Лично – нет. Но я знаю, что они горючи. Это называется вера.

Люцифер усмехнулся. Впервые за долгое время.

– Знаешь, – сказал он, – когда-то я вёл легионы. Варил чай для Кодзи 2.0. А теперь сижу в канализации, в твоих тапках, и чувствую... покой. Это странно.

– Это исцеляет, – поправил Сергеич. – Спокойствие – привилегия тех, кому некуда бежать. В трубах суэта бессмысленна. Всё, что должно утечь, уже утекло. Или утечёт. Какая разница.

Белочка цокнула в третий раз. Резюме: «Вы правы. Но я всё ещё голодна».

– Ладно, – Сергеич поднялся. – Пора. Мама Сара обещала спустить шашлык. Клянётся, что он не промокает. Лично благословила.

– Такое бывает? – удивился Люцифер.

– С Мамой Сарой бывает всё. Особенно то, чего не может быть.

Они ушли в темноту. Трубы ответили тишиной. Только вода текла, унося всё лишнее. А история, как известно, никогда не проходит мимо. Даже если протекает по канализации.

ГЛАВА 3

Утро третьего дня блокады выдалось пасмурным. Даже по меркам Планеты Пузырей, где серость считалась нормой, сегодняшняя мгла казалась подчёркнуто официальной – будто само небо заполнило форму 1-Н «Небо как недружелюбное явление» и замерло в ожидании визы.

Улитки БНД неизбежно несли вахту. За сорок восемь часов неподвижности они успели покрыться мхом, сомнениями и слухами. Офицеры в скафандрах из уплотнённого уныния напоминали садовых гномов-переростков. Поговаривали, что самые преданные уставу сотрудники перестали моргать – сэкономили энергию на протоколы.

Внутри отеля завершались приготовления к активной фазе сопротивления.

Глинка замерла на верхней ступени крыльца, хищно перебирая пальцами по рукоятке своей верной вилки. Рядом с ней, нервно переминаясь с ноги на ногу (правая была приклеена на рассвете свежим слоем моментального состава, но издавала подозрительные щелчки), застыл Костя. Чуть поодаль маячили Ася, Сёма и Федя – последний то и дело заходил в нервном чихе, рассыпая вокруг себя рой мелких искр.

– План кампании предельно лаконичен, – провозгласила Глинка. – Я выдвигаюсь к флагманской улитке и тыкаю вилкой в стратегически важные пустоты. Костя следует за мной и в критический момент теряет ногу, чтобы создать у противника суматоху. Федя обеспечивает огневую поддержку: чихает на офицеров, пока они не погрязнут в оформлении формы 4-П «Пожар». Ася и Сёма ведут непрерывный саркастический репортаж. Вопросы?

– А если у тебя отберут вилку? – спросила Ася.

– Не отберут. Вилка – сакральный объект. А священное, согласно параграфу 7, пункту 3, приложению 4, изъятию не подлежит. Лично ознакомилась с этим положением сегодня ночью во сне.

– И насколько этот источник котируется? – усомнился Сёма.

– Сны – это та же реальность, только очищенная от примесей формы 1-С «Сон как попытка уклонения». Поэтому их легитимность абсолютна.

Костя тяжело вздохнул, бросил взгляд на свою правую ногу, которая в ответ лишь зловеще хрустнула, и шагнул вперёд.

– Я в строю. Главное, чтобы клей не подвёл.

Нога сохраняла нейтралитет, но пока держалась.

Группа двинулась к оцеплению.

Главный офицер БНД, завидев процессию, извлёк жезл-вилку и приготовил форму 3-П «Предупреждение о недопустимых деяниях».

– Ни с места! – гаркнул он. – Вы пересекаете зону блокады. Любой шаг повлечёт штраф, депортацию и клеймо в реестре деструктивных элементов.

– Моё имя там уже семь веков, – парировала Глинка. – Так что пугать меня реестрами – всё равно что рыбу водой.

Она вскинула вилку. Офицеры попятились. Улитки начали испускать тревожную слизь.

– Это холодное оружие! – заявил Главный. – Требую сдать объект на хранение. Форма 1-О «Оружие как проблема» наготове.

– Это не оружие, – возразила Глинка. – Это инструмент первичного потребления реальности. Им либо едят, либо устанавливают справедливость. Зависит от прожарки оппонента.

– Запрещено демонстрировать колющие предметы представителям власти!

– А я и не демонстрирую. Я провожу испытания на прочность вашего терпения.

Она сделала шаг вперёд. Оцепление откатилось. Улитки втянули головы, превратившись в безмолвные валуны.

Костя, поймав момент, виртуозно потерял ногу. Конечность с сухим стуком рухнула прямо перед главной улиткой, застыв в позе, которая одновременно выражала и протест, и полное безразличие. У офицеров началась паника.

– Самопроизвольный демонтаж биоматериала! – закричал Второй офицер. – Форму 3-Г «Отвалившаяся часть тела»! Где печать?!

– У меня нет формы на запчасти, – меланхолично отозвался Костя. – Я продукт глубокого распада. У меня текучесть кадров в организме – норма.

– Диагноз должен быть подтверждён справкой!

– Справка отвалилась ещё в эпоху Возрождения. Вместе с левым предплечьем.

Федя выдал серию чихов. Искра угодила в вентиляцию раковины флагманской улитки. Та задымилась. Офицеры бросились заполнять форму 4-П «Пожар как непредвиденное обстоятельство», забыв про Костю и его ногу.

– Отступление! – скомандовал Главный. – Это не вооружённый конфликт, это балаган. А на балаган у нас нет формы 1-Ц «Цирк как непреодолимая сила». Перегруппировка!

Улитки развернулись. Делали они это с грацией гружёных барж, но решительно. Блокада была временно снята.

Глинка опустила вилку. Костя приладил ногу на место. Федя выдал финальный, триумфальный чих.

– Первый раунд за нами, – сказала Ася.

– Это только прелюдия, – вздохнула Эби, наблюдавшая из окна. – Но важно то, что мы сохранили вилку. А вилка – это не просто столовый прибор. Это манифест. Мы сами выбираем, что накалывать на острие своей судьбы.

– И где это написано? – спросил Сёма.

– Нигде, – улыбнулась Эби. – Поэтому их методы против нас бессильны.

Компания отправилась на веранду. Аромат мамино шашлыка, не знающий границ и запретов, уже созывал героев на трапезу. Мама Сара признавала только одну форму – форму идеально прожаренной котлеты. И никакие указы БНД не могли этого изменить.

В зале заседаний Бюро Недвижимых Движений воцарилась атмосфера, которую даже оптимист назвал бы «унылой». Главный офицер замер во главе стола, вцепившись в жезл-вилку как в поручень на тонущем лайнере бюрократии.

Перед ним лежал рапорт о вчерашнем фиаско. Документ был влажным – младший референт рыдал прямо в процессе регистрации.

– Подводим итоги, – сказал Главный, обводя подчинённых взглядом, в котором тлели угли административного гнева. – Докладывайте.

Второй офицер поднялся. Его скафандр выглядел помятым и безжизненным – ночные кошмары в клетку не способствуют сохранению формы.

– Потери: одна улитка выведена из строя дымовой атакой. Три офицера в психологическом ступоре после созерцания самопроизвольного демонтажа конечности у субъекта Кости. Четыре формы 4-П «Пожар» заполнены с ошибками и возвращены на переоформление. Моральный дух – ниже плинтуса. Плинтус, кстати, тоже пострадал – его повредили отступающей улиткой.

– Что с вилкой?

– Вилка у Глинка. Предложение обменять её на комплект ложек было отвергнуто.

– В какой форме?

– В форме направленного тыканья в сторону нашего представителя.

Главный зажмурился, словно пытаясь стереть картину из памяти.

– У нас есть форма 1-В «Вилка как объект повышенной опасности»?

– Есть. Но её составляли ещё в эпоху первых костров, когда вилки только начали вносить смуту в умы. С тех пор документ не обновлялся, зарос пылью и сомнениями.

– Пыль – категория устранимая. Сомнения – вот наш враг. Что ещё?

Третий офицер, обычно молчавший, подал голос:

– Пустота наблюдает. Сидит на крыше отеля, пьёт чай и транслирует улыбку неустановленного образца. Это деморализует личный состав сильнее, чем вилка.

– Пустота – не наша юрисдикция. У нас нет формы 1-П «Пустота как процесс». Следовательно, мы имеем право её игнорировать. Параграф 7, пункт 3, примечание 2: «Несуществующее не подлежит протоколированию».

– Игнорировать Пустоту – всё равно что не замечать отсутствие фундамента, – заметил Четвёртый офицер. Тот самый, что в прошлый раз дезертировал к шашлыку. К удивлению всех, он вернулся. Мама Сара сказала: «Желудок полон – марш исполнять долг. Должность сама себя не отсидит».

– Ты опять за своё? – спросил Главный.

– Я за реальность. Против нас триумvirат: вилка, шашлык и Пустота. У нас – бумага, улитки и улитки, которые при виде искр впадают в панику.

– Что предлагаешь?

– Сменить стратегию. Не блокаду, а переговоры. Не форму 1-В «Война», а форму 1-М «Мир». Она пылится в архивах веками. Никто не решается её заполнить, потому что конфликт привычнее, а мир требует усилий.

Главный задумался. Реальность Планеты Пузырей начала скрипеть – подстраивалась под тяжесть божественной думы.

– Мир – это тоже форма, – сказал он. – А формы – наш базис. Но что мы можем им предложить?

– У них есть всё, кроме одного, – сказал Второй. – Спокойствия. Блокада действует на нервы, даже если они это скрывают.

– Мы можем выдать разрешение. Форма 1-С «Спокойствие как санкционированная пауза». Юридически это почти мир.

Главный посмотрел на Четвёртого. Тот пожал плечами.

– Мои тезисы озвучены. Дальше решайте. А я пойду проверю улиток. Они, кажется, начали подпевать Феде, когда он чихает. Это симптом разложения.

Он вышел. Остальные замерли.

– Голосуем, – сказал Главный. – Кто за продолжение блокады?

Поднялись три руки.

– Кто за переговоры?

Рука Четвёртого, уже скрывшегося за дверь, не считалась. Никто не поднялся.

– Консенсус. Блокада продолжается. Но меняем тактику на пассивное наблюдение. Ждать – наша специальность. Мы пересидим всех. Даже здравый смысл.

– А если они нападут первыми?

– Тогда форма 1-А «Агрессия как ответная мера». Уже завизирована, ждёт в сейфе.

Главный поднялся, поправил воротник и вышел.

В зале осталась канцелярская моль. Она доела рапорт о поражении и принялась за форму 1-М «Мир». Бумага была пресной и невкусной. Впрочем, подлинный мир на этой планете редко обладал приятным послевкусием.

Пока в штабе БНД подсчитывали убытки и строили планы пассивного наблюдения, на кухне отеля «Атлантида-Палас» царила атмосфера, которую можно было назвать «предбоевой» только при богатом воображении. Скорее – «предобеденной». Мама Сара не признавала войн, блокад и прочих форм, отвлекающих от главного – своевременной подачи горячего.

Мангал дышал жаром, выбрасывая в вытяжку клубы ароматного дыма. Дым, вопреки декретам БНД и законам физики, просачивался сквозь блокадное кольцо и достигал самых отдаленных уголков Планеты Пузырей. Барсуки, учуяв запах, чихали вином с удвоенной силой,

а пузыри аннулировали рассветы без всякой необходимости – аромат маринада заменял им смысл бытия.

Вокруг стола, накрытого клеёнкой в цветочек, собрались ключевые фигуры сопротивления. Клеёнка пережила семь проверок, два локальных Рагнарёка и одну попытку Кости использовать её в качестве дельтаплана. Её мнением дорожили.

Глинка сидела во главе, положив вилку рядом с тарелкой. Вилка сияла чистотой. Глинка никогда не ела вилкой – она ела руками. Вилка была не для еды, а для дела. Руки она мыла с фанатизмом хирурга. Вилку – никогда. Истина в дезинфекции не нуждается.

Эби расположилась слева, с чашкой чая и бутербродом, который она собирала с точностью часовщика. Хлеб – степень прожарки «лёгкое недоумение». Масло – слоем молекулярной толщины. Сыр – строго сверху, по вектору магнитной аномалии. Порядок был важен. Даже в хаосе.

Костя сидел справа, периодически проводя перекличку конечностей. Пока комплект был полным. Правая нога, правда, отстукивала азбукой Морзе сигнал «SOS», но держалась на честном слове и остатках божественного клея. Запасная рука всё ещё была в агентстве, но Костя решил не беспокоиться – рука взрослая, сама разберётся.

Ася и Сёма заняли места напротив. Бантик на локте Сёмы завязался в узел «военный совет», но, заметив, что на столе нет карт, переквалифицировался в узел «а вдруг дадут добавку».

Федя кружил под потолком, методично чихая искрами в сторону вытяжки. Вытяжка, обладавшая стальными нервами и пятилетним стажем работы в условиях гастрономического безумия, лишь устало гудела в ответ.

– Первая стычка была разминкой, – начала Глинка, вонзая зубы в шашлык. – БНД отползлилизывать бланки, но не сдались. Их тактика – измор ожиданием. Но и мы не лыком шиты. У нас есть вилка, шашлык и Пустота.

– Пустота заявила о нейтралитете, – напомнила Ася. – Она пьёт чай и транслирует неопределённость.

– Глупости, – отрезала Глинка. – Когда Пустота пьёт чай в радиусе поражения – это уже политический жест. А если она ещё и бровью ведёт – это объявление войны всем формам, имеющим регистрацию.

– Она улыбается? – спросил Костя.

– Она всегда улыбается, – пояснила Эби. – Просто у неё такой тип лица, что это кажется отсутствием горизонта.

Мама Сара, не отрываясь от мангала, подала голос, который мог бы остановить легион улиток одним резонансом:

– Вы тут спорите, а мясо стынет. Ешьте. Голодный боец – это просто злой тип с плохим цветом лица. А сытый – угроза миропорядку, потому что у него есть силы на глупости.

– В чём принципиальная разница? – уточнил Сёма.

– Сытый знает цену комфорту. Он воюет за право доесть десерт в тишине. А голодный воюет из принципа. А принципы, как известно, протухают быстрее майонеза на солнце.

Глинка одобрительно хмыкнула.

– Мама Сара зрит в корень. Надо подкрепить протест калориями. БНД не снимет осаду, пока мы не аннулируем их главный аргумент.

– Какой? – Костя нечаянно уронил палец в солонку.

– Формы, – сказала Эби. – Их вера в бумагу безгранична. Пока существует хотя бы один незаполненный бланк, бюрократия бессмертна.

– Значит, нам нужна своя печать? – спросил Сёма.

– У нас есть вилка, – Глинка подняла инструмент над головой. – Вилка острее любого штампа. Она протыкает бумагу, не оставляя места для подписи.

Федя, совершая особо сложный пилотаж, чихнул прямо в центр стола. Искра угодила в бумажную салфетку. Та вспыхнула с энтузиазмом инквизитора. Костя, среагировав мгновенно, залил пламя божественным клеем. Через секунду на столе лежал артефакт: салфетка, превратившаяся в прозрачный кварц, внутри которого застыло пламя.

– Гениально, – сказал Костя. – Запатентуем. Вечный свет для нищих духом.

– Никаких патентов, – отрезала Глинка. – Форма 1-П – ловушка для разума. Только вилка. Только хардкор.

Она подняла шампур. Остальные вскинули свои атрибуты. Костя – ногу (отвалилась вовремя, чтобы салютовать). Ася – чашку. Сёма – бантик. Федя – контрольный чих, подпалив занавеску.

– За крушение бюрократии! – провозгласила Глинка.

– За шашлык! – добавила Мама Сара.

– За то, чтобы клей схватывался быстрее, чем нас настигнет осознание, – тихо встала Эби.

Они чокнулись. Нога Кости с звоном рухнула в тарелку с соусом, обрызгав Глинку. Та даже не моргнула. Это были обычные будни отеля «Атлантида-Палас» – места, где здравый смысл заходил только за тем, чтобы оставить чаевые и поскорее уйти.

Ночь на Планете Пузырей не имела ничего общего с романтикой других миров. Здесь тьма обладала плотностью застывшего гудрона, запахом старой копирки и индивидуальным регистрационным номером в реестре теней. Она опускалась на город медленно, словно ведущий специалист архива, приступающий к годовому отчёту: с тяжелым вздохом, видимым нежеланием и чувством экзистенциальной герметичности.

В эпицентре Планеты, там, где геометрия кривых башен завязывалась в узел, возвышался Храм Чёрной Ложки. Он был построен из «ничего» и функционировал ради «ничего» – в память о том дне, когда Мара в порыве раздражения бросила ложку в гущу Пузырей, а те, недолго думая, канонизировали её. С тех пор Ложка лежала на алтаре – чёрная, простая, без украшений. Пузыри молились на её изгиб, спорили о её температуре и заполняли формы 1-Л «Ложка как объект поклонения».

Сегодня в храме было тесно. Пузыри стекались со всей планеты, колыхаясь в едином ритме тревоги: по миру пополз слух – в отеле появилась Вилка.

– Это не просто ересь, это системный коллапс, – сказал Главный Пузырь, обладатель очков с толстыми линзами и неснимаемого бейджа «Младший оператор революционных столов». – Ложка – это колыбель тьмы, преображённая в округлое добро. Ложка – это единство, гомогенизация, великое Смешивание. А Вилка – это...

– Радикальный сепаратизм, – подсказал Второй Пузырь.

– Именно! Сепаратизм и разделение. Ложка объединяет субстанции, растворяет границы. А Вилка разделяет. Она протыкает ткань мироздания. Она нарушает целостность.

– Это как форма 1-Р «Разрыв логических связей»? – спросил Третий Пузырь.

– Хуже. Форму можно аннулировать. Вилку – нет. Её можно только вонзить.

Зал наполнился ропотом. В углу, на постаменте, угрожающе заурчал Великий Чайник – он был здесь за алтарного старосту, выпуская тяжелые струи бергамотового пара.

– Что будем делать? – спросил Второй.

– Метафизическая оборона, – отрезал Главный. – Молимся Ложке, чтобы она вогнула реальность обратно. Пусть Вилка затупится о нашу веру.

– А если не поможет?

– Тогда форма 1-Ж «Жалоба на несправедливость бытия». В четырёх экземплярах. Ложке, Пустоте, Кодзи и в личное дело – для отчётности.

Пузыри опустили на колени и завели песнопение. Шёпот тысяч прозрачных созданий напоминал шорох страниц, перелистываемых скучающим богом.

Чайник закипел сильнее. Пар, замешанный на бергамоте, чернилах и отчаянии, заполнил храм.

В этот момент двери распахнулись.

На пороге стояла Глинка. С вилкой.

Пузыри замерли.

– Занимательная литургия, – сказала Глинка. – Вы тут всерьёз решили, что спасение – в общей кастрюле? А я зашла намекнуть: наступает эра точечного воздействия.

– Анафема! – взвизгнул Главный. – Уберите колющий предмет из зоны сакрального комфорта!

– Спокойствие, – Глинка шагнула вперёд. – Я не протыкать. Я предлагать. Ложка – это уютно. Но вилка даёт то, чего вам не хватает. Субъектность. Возможность подцепить реальность и сказать: «Это – моё, а это – чужь».

– Ложка – это гармония без углов! – выкрикнул Второй.

– Гармония без углов – это кисель, в котором вы тонете, – Глинка подбросила вилку. – Мир – это не когда всё перемешано. Мир – когда ты понимаешь, где ты, а где не ты. Вилка учит границам. Она – антидот от бюрократии.

– Где мы зафиксируем эту субъектность? – спросил Третий.

– Везде, где хватит духу, – Глинка указала вилкой на окно. – Вон там ваши надсмотрщики боятся шевельнуться. Они хотят перемешать вас с архивами. А вы – не архивы. Вы – Пузыри. У вас есть право быть проткнутыми истиной.

Пузыри задумались. Это было опасно. Если Пузыри перестанут бояться Разделения, кто будет заполнять бланки о согласии с Небытием?

– А если нам страшно выбирать? – прошелестел Главный.

– Тогда продолжайте хлебать пустоту ложкой, – пожалала плечами Глинка. – Но знайте: выбор уже сделан за вас тем, кто изобрёл вилку. Это просто другой метод. Как форма 1-И «Инструмент индивидуального спасения».

– У нас нет такой формы...

– Так впишите, – бросила Глинка уже от дверей. – Если остались чернила.

Она вышла. Вилка блеснула в свете квадратной луны – архитектурной ошибки Кодзи.

Пузыри молчали.

– Каков вердикт? – спросил Третий.

– Продолжаем бдение, – глухо сказал Главный. – Но... пожалуй, стоит... начать размышлять.

– О спасении?

– Нет. О зубцах.

Чайник издал финальный свист и затих. Аромат бергамота выветрился, уступив место запаху перемен. Сомнение, как самый опасный вирус, уже начало работу по заполнению формы 1-П «Пересмотр основ».

После ночного рейда в Храм Чёрной Ложки Глинка вернулась в отель в состоянии приятного изнеможения. Вилка победоносно покоилась в кулаке. Семена экзистенциального раздора в головах Пузырей были посеяны – оставалось ждать, когда бюрократическая почва даст всходы.

В лобби царила предрассветная тишина. Ася и Сёма уже дежурили на веранде, гипнотизируя пустые тарелки. Эби скользнула на второй этаж – проверить, не совершил ли Костя очередную несанкционированную дефрагментацию конечностей. Федя практиковал фигуры над флюгером, пытаясь высечь искру из падающих звёзд.

Глинка направилась к кухне, ведомая инстинктом хищника, почуявшего маринад, но внезапно замерла.

В углу лобби, рядом с корзиной для забытых зонтов и пыльным чемоданом, в котором жил чей-то потерянный отпуск, висела Метла.

С виду – предмет, который многие приняли бы за обычную метлу. Черенок, прутья. Но на древке в три слоя красовалась синяя изолента – артефакт высшего порядка. Первый слой символизировал принятие неизбежного, второй – конструктивную надёжность, а третий был намотан по принципу «пусть мироздание само догадается». Чуть выше сияли нарисованные Акирой глаза, а рядом мерцала серебряная чешуйка.

Метла не просто висела. Она транслировала статус «в режиме ожидания».

– О, – выдохнула Глинка. – Блудная дочь вернулась.

Метла хранила молчание. Но это было то молчание, которое весит больше, чем отчёт БНД.

– Рука Кости в комплекте? – спросила Глинка.

Из кармана куртки на вешалке высунулась Рука. Показала большой палец, затем средний (из любви к искусству протеста), и снова большой. Язык жестов был ясен: «Я в системе. Но концентрация идиотизма зашкаливает».

– Твоя правда, – согласилась Глинка. – БНД взяло отель в кольцо. Барсуки топят истину в вине. Пузыри спасаются ложкой. А я тут с вилкой – последний оплот здравого смысла.

Метла качнулась. Черенок скрипнул. Нарисованные глаза посмотрели с выражением, в котором смешались укор вечности и лёгкая ирония.

– Я ТАК И ЗНАЛА, – проскрежетала Метла. Голос её напоминал звук старого шкафа, но в этих вибрациях бился пульс живой души. – ЧТО МЫ ЕХАЛИ НЕ ТУДА. НО МЕНЯ, КАК ОБЫЧНО, НЕ СПРАШИВАЛИ.

– В каком смысле – «не туда»?

– ВОТ В ЭТОМ. ПЛАНЕТА ПУЗЫРЕЙ – ТУПИК ЭВОЛЮЦИИ. Я ПОЧУЯЛА ЭТО ЕЩЁ ПРИ НАНЕСЕНИИ ИЗОЛЕНТЫ.

– И почему молчала?

– МЕНЯ НЕ СПРАШИВАЛИ. А Я УМЕЮ ХРАНИТЬ ТИШИНУ. ЭТО МОЯ СУПЕР-СПОСОБНОСТЬ.

Глинка хотела возразить, но передумала.

– Ладно, оракул на черенке. Что думаешь сейчас?

Метла накренилась, имитируя задумчивость.

– ДУМАЮ, ЧТО ВИЛКА – ЭТО ХОРОШО. НО ЛОЖКА ТОЖЕ НУЖНА. СУП ЛОЖКОЙ ЕДЯТ. ШАШЛЫК – ВИЛКОЙ. КОМПРОМИСС НЕИЗБЕЖЕН, КАК ГРЯЗЬ ПОД НОГАМИ.

– Ты за компромисс?

– Я ЗА ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ. СЫТЫЙ СУБЪЕКТ – ПЛОХОЙ ОБЪЕКТ ДЛЯ МАНИПУЛЯЦИЙ. ГЛАВНОЕ – СВОБОДА ВЫБОРА МЕЖДУ ЗУБЦАМИ И ВОГНУТОСТЬЮ. ТОГДА ТЫ – ХОЗЯИН ПОЛОЖЕНИЯ.

Рука бешено забила по вешалке. Перевод: «Метла вещает базу. Слушай».

Глинка вздохнула, опустила вилку.

– Ладно. Временный пакт. Но вилка – главная. Ложка – для соусов.

– ПРИЕМЛЕМО, – скрипнула Метла. – А ТЕПЕРЬ – К ДЕЛУ. МНЕ НУЖНО ПРОИНСТРУКТИРОВАТЬ МАНГАЛ. НАМ ЕСТЬ О ЧЁМ ПОМОЛЧАТЬ.

– Мангал на веранде, – махнула Глинка. – Только не нервируй БНД.

– Я – ДРАКОН, – сказала Метла. – СТРАХ ПРЕДОСТАВЬТЕ ДРУГИМ. МНЕ НУЖЕН ТОЛЬКО САМОГОН. ДЛЯ СМАЗКИ ДУШИ.

– Самогон у тёти Глаши. Передадут. С помидорами.

Метла отделилась от стены и поплыла к выходу. Рука выпрыгнула из кармана и серией прыжков пристроилась рядом.

– НУ ЧТО, ПЯТИПАЛЬНЫЙ, – донеслось от Метлы. – ПРОДОЛЖИМ ЭКСПЕДИЦИЮ?
Рука показала большой палец. Это означало: «До победного конца. Или до обеда».

Глинка смотрела им вслед.

– Дивная компания, – сказала она. – Метла-философ, бродячая конечность, говорящая печь... И я с вилкой. Может, Пустота права. Мы все – ошибки. Но ошибки настолько харизматичные, что мир вынужден подстраиваться под нас.

Она развернулась и зашагала на веранду. Там её ждал шашлык, законный компромисс и продолжение этого безумия.

ГЛАВА 4

Блокада Планеты Пузырей вступила в четвёртые сутки тотального бездействия. Улитки БНД окончательно слились с ландшафтом, покрывшись мхом и слухами. Офицеры пребывали в летаргии – чернила в их ручках замёрзли от тоски, превратившись в кристаллы бюрократического льда.

Главный офицер каждое утро совершал обход периметра. Сегодня он выглядел как черновик, который трижды скомкали и выбросили. Ходили слухи, что ночью ему явилась Пустота. Она пила чай из его наградной кружки и шептала: «Форма 1-У „Увольнение как катарсис“ – единственный документ, который тебе стоит подписать».

В отеле, напротив, пульсировала жизнь. Мама Сара с первыми лучами квадратной луны реанимировала мангал. Дым, обладавший разумом, игнорировал кордоны. Он просачивался сквозь шлемы, заставляя улиток вибрировать от вожделения, а офицеров – судорожно сглатывать.

На веранде развернулся штаб. Эби помешивала чай. Костя проверял ногу – клей схватился намертво, конечность получила статус несъемного оборудования. Ася и Сёма завязали бантик в узел «Дипломатический тупик». Глинка точила вилку о перила. Федя висел под стропилами, экономя искры. Метла и Рука заняли пост у входа, имитируя антикварную композицию «Ожидание перемен».

– Констатирую факт, – сказала Эби. – БНД зацементировалось. Мы забаррикадировались. Пат.

– Пат – для шахматистов, – отрезала Глинка. – У нас силовое доминирование. Вилка – аргумент, против которого нет параграфа.

– У них форма 1-В «Война как метод». Завизирована, но они боятся активировать без сигнала из Бездны Согласований.

– Бездна Согласований – это Кодзи? Пустота?

– Это самоподдерживающаяся экосистема, – вздохнула Эби. – Бюрократия одобряет себя через рефлексию. Медленно, но неотвратимо.

– А если их терпение лопнет? – спросила Ася.

– Терпение чиновника – ресурс неисчерпаемый, – сказал Сёма. – Их базовый пакет – триста лет в очереди за смыслом.

– Но есть переменная, которой нет в их таблицах, – Мама Сара перевернула шампуры. – Позовите их за стол. Враг с полным желудком – дезориентированный гость.

– Кормить оккупантов? – Глинка вскинула вилку. – Это измена!

– Это гастрономическая дипломатия, – поправила Эби. – Вилка – для защиты. Шашлык – для деморализации через удовольствие.

Костя выпрямился, проверил колено и кивнул.

– Я пойду. Если отвалится рука – засчитают как жест доброй воли.

– Твоя конечность – весомый козырь, – скрипнула Метла. – ИДИ.

Рука из кармана показала «V».

Костя двинулся к оцеплению. Офицеры вскинули жезлы.

– Стоять! – крикнул Главный. – Форма 3-Х «Хождение туда-сюда»!

– У меня приглашение, – сказал Костя. – Мама Сара инициировала симпозиум. Шашлык.

Про жарка «отсутствие претензий». Соус, вызывающий амнезию по отношению к уставу.

Главный застыл. Второй и Третий переглянулись. Четвёртый уже расстёгивал скафандр.

– Я иду, – сказал он. – Я помню этот вкус.

– Предательство!

– Это мясо, – отрезал Четвёртый. – Классифицирую как форму 1-Е «Экстренное питание». Протокол заполню в следующей жизни.

Он перешагнул черту и пожал Косте руку. Рука не отвалилась – добрый знак.

Главный посмотрел на подчинённых, на дымящийся мангал, на Пустоту, которая подмигивала с карниза. И вздохнул.

– Объявляю временное перемирие. Форма 1-П «Перемирие ради дегустации». Есть будем мануально. Как в эпоху до канцелярии.

Офицеры потянулись к отелю. Улитки вздохнули и впали в медитацию.

На веранде гремела посуда. Глинка спрятала вилку за пояс, но руку с черенка не убрала.

– Располагайтесь, – сказала Эби. – Сначала едим. Потом решаем, кто из нас нелегальный элемент.

Главный сел, вдохнул и впервые за четыре дня обрёл человеческое лицо.

– Пахнет... вызывающе.

– Это только вступление, – Мама Сара водрузила на стол гору мяса. – И упаси вас достать бумажку. За столом формы не живут. Они обугливаются от стыда.

Главный хотел возразить, но первый кусок парализовал его волю. В наступившей тишине слышен был только треск углей и сосредоточенное жевание.

Говорить в такие моменты было преступлением. И даже бюрократы это понимали.

Когда тарелки опустели наполовину, офицеры БНД в порыве гастрономического откровения сняли не только шлемы, но и верхний слой скафандров. Слишком жарко для устава, слишком тесно для маринада.

На веранде воцарилась атмосфера, которую можно было назвать «предмировой». Заклятые враги ели за одним столом. Пустота, свесив ноги с карниза, меланхолично прихлёбывала чай прямо из носика. Улитки, лишённые надзора, начали дрейфовать к крыльцу – их манил аромат, деформирующий пространство.

Главный офицер отодвинул тарелку, вытер губы тыльной стороной ладони (внутренний цензор ушёл в отпуск) и посмотрел на Эби.

– Мой долг велит мне составить рапорт, – сказал он. В голосе вместо стали слышался налёт перченого соуса.

– Пишите, – разрешила Эби. – Но сначала договоримся.

– О чём?

– О том, что блокада бессмысленна. У нас монополия на шашлык, священная Вилка и кураторство Пустоты. У вас – бумага, улитки и чувство выполненного долга, которое завянет быстрее, чем вы доберётесь до архива.

– У нас есть форма 1-Д «Должность как крест», – вздохнул Главный. – Мы несём его по инерции.

– По инерции или из страха перед пустотой в трудовой книжке? – спросил Костя. У него с щелчком отвалился мизинец. Он приклеил его, не поморщившись. – Я вот тоже существую в режиме распада. Но меня спасает не устав, а изолента и принятие.

Метла, прислонившаяся к перилам, скрипнула:

– ИЗОЛЕНТА – ЭТО КЛЕЙ, НА КОТОРОМ ДЕРЖИТСЯ ВСЕЛЕННАЯ. ВАША БЮРОКРАТИЯ – ЭТО ТОЖЕ ИЗОЛЕНТА? ИЛИ ЗАСОХШАЯ СЛИЗЬ?

Главный посмотрел на Метлу, на её нарисованные глаза, на три слоя синей ленты. Ответ затерялся в лабиринтах инструкций.

– Мы не антагонисты, – сказала Ася. – Мы просто разные агрегатные состояния. Вы – в твёрдом переплёте форм. Мы – в дыме мангала. Но разве это мешает нам делить одну ска-терть?

– Форма 1-С «Коллективное поглощение калорий как фундамент консенсуса» существует, – тихо сказал Второй офицер. – Я видел её в архиве. Она ни разу не видела чернил.

– Так заполните её жиром и соусом, – предложил Сёма. – Потомки впишут в учебники: «Эпоха противостояния завершилась коллективной отрыжкой мира».

Четвёртый офицер отложил шампур:

– Шашлык – это аксиома. Устав – гипотеза. Гипотезы меняются. Аксиомы питают.

Главный замер. Долго смотрел на бланк формы 1-М «Мир как досадное недоразумение». Затем, под взглядом Пустоты, разорвал бумагу.

– Это был единственный экземпляр, – сказал он.

– Теперь это просто мусор, – сказала Пустота. – Мир аннигилировался? Или стал настолько очевидным, что перестал нуждаться в подписи?

– Не знаю, – честно ответил Главный. – Но впервые за сорок лет я не чувствую зуда в правой руке. Я хочу просто сидеть и есть.

– Это и есть мир, – сказала Эби. – Не когда подписаны бумаги. А когда не хочется их подписывать.

Глинка положила вилку на стол. Рядом с ложкой Четвёртого офицера.

– Перемирие, – сказала она. – Без гарантий. С доверием к рецептуре.

Рука показала большой палец. Метла скрипнула одобрительно. Федя выдал праздничные искры.

– А улитки? – спросил Третий офицер.

– Улиткам дадим салатные листья в маринаде, – сказала Мама Сара. – Будут самыми счастливыми моллюсками в галактике.

На веранде засмеялись все. Даже Главный. Даже Пустота – её смех был похож на шелест страниц, дочитанных до самого интересного места.

Блокада рассыпалась без единого выстрела. Все просто ели. И в этот миг шашлык весил больше, чем все кодексы Планеты Пузырей вместе взятые.

Когда веранда опустела, а офицеры, напивавшиеся калориями до просветления, побрели к своим позициям, в штабе БНД воцарилась атмосфера «постшашлычной рефлексии». Главный сидел во главе стола, но жезл-вилка валялся под ножками – хозяин даже не искал его. Второй и Третий пребывали в метаболическом трансе. Четвёртый переваривал реальность в два захода: он пронёс в штаб кусок мяса в черновике формы 2-У и теперь тайком доедал.

– Констатируйте итоги, – сказал Главный. Сталь в голосе сменилась мягким бархатом человека, познавшего дзен через маринад.

– Акт первичного потребления совершён, – доложил Второй.

– Уровень гидратации стабилизирован, – добавил Третий.

– Личный состав игнорировал графы и поля, – подытожил Четвёртый, подавляя икоту.

– Это не рапорт, – вздохнул Главный. – Это заметки гастрономического паломника.

– Какого дискурса вы ждали? – спросил Второй. – Мы четыре дня несли вахту в унынии, питаюсь параграфами. А тут – шашлык. Прожарка «божественное откровение». Соус с амнезией по отношению к уставу. У нас нет формы 1-А «Амнезия как уважительная причина». Поэтому мы просто аннулировали цель визита.

– Наша цель – изоляция отеля, – напомнил Главный.

– Теперь наша цель – изоляция чувства вины за недоеденный гарнир, – парировал Четвёртый. – Это конструктивнее.

Главный хотел возразить, но в дверях появилась Пустота. Сегодня она сменила халат на платье из звёздного шума и вековой тишины. В руках – кружка чая.

– Я не помешаю? – спросила она.

– Вы уже помешали, – сказал Главный. – Вы сорвали нам образцово-показательную войну.

– Я купировала всплеск коллективного идиотизма, – поправила Пустота, материализуя кресло. – Война – ошибка в коде. Шашлык – базовая потребность в оптимизации. Я проголодалась за здравый смысл.

– Вы заняли сторону отеля.

– Я заняла сторону ужина. Отель просто оказался гостеприимнее.

Она отпила чай. По штабу разлился аромат свежескошенной вечности.

– Знаете ваш системный баг? – спросила она. – Бумага – транспорт для мысли. А вы превратили её в конечный пункт. Шашлык был угрозой, а он – смысл существования. Переверните оптику.

– Предлагаете нам уйти в агросектор?

– Предлагаю вам начать существовать. Существование не требует подписи в трёх экземплярах. Это когда просыпаешься и чувствуешь вкус утра. Даже если оно пасмурное.

Главный долго молчал.

– А если я утратил этот вкус? – спросил он.

– Значит, дозировка маринада была недостаточной, – улыбнулась Пустота. – Повторите курс. Потом обсудим метафизику.

Она исчезла. Остался запах лаванды и чувство подзатыльника.

Главный обвёл взглядом подчинённых.

– Оформляйте рапорт, – сказал он. – «Блокада снята по причине исчерпания причин. Личный состав переведён на усиленное питание. Вилка признана инструментом дипломатии. Шашлык – фундаментом миропорядка».

– А печать? – спросил Второй.

– Приложите палец, испачканный в соусе. Это будет самая честная печать в истории БНД. Свободны.

Офицеры вышли. Главный остался один. Достал из-за пазухи салфетку с мясом, посмотрел на неё, зажмурился и откусил.

– Хорошо-то как, – прошептал он. – Кодзи меня дери, как же это хорошо.

За окном улитки жевали маринованные листья. Они были счастливы. Без реестров, квот и надзора.

Пустота сидела на крыше штаба, глядя на квадратную луну.

– Я же говорила, – сказала она. – Мир – это когда запах мяса важнее амбиций в папках.

Никто не услышал. Но это неважно. Факт был зафиксирован в ткани мироздания. Без подписей.

ГЛАВА 5

Пока на крыше отеля Пустота пила чай с Федей, а внизу Мама Сара дожаривала послевоенный шашлык, в совершенно ином сегменте бытия созрел Урожай.

Это происходило на даче тёти Глаши – локации, которая находилась везде и нигде одновременно, занимая уютную складку между реальностью и здравым смыслом.

Помидоры тёти Глаши обладали завидной пунктуальностью: они созревали строго по графику, даже когда Время уходило в запой или сворачивалось в ленту Мёбиуса. Никакие блокады, декреты Кодзи или экзистенциальные кризисы Пустоты не могли заставить их замедлить фотосинтез. Овощной регламент был жёстче любого армейского устава.

Тётя Глаша сидела на веранде в качалке, которая скрипела в тональности си-бемоль мажор. Она вязала бесконечный шарф для мироздания и присматривала за грядками. Рядом, в авоське, пережившей эпоху великого дефицита логики, лежали три свежесорванных помидора. Они налились такой вызывающей краснотой, что казались индикаторами опасности, и, судя по вибрации воздуха, вели между собой оживлённую дискуссию.

– Ну что, стратеги в кожице, – сказала тётя Глаша, не сбиваясь с ритма. – Доигрались? Блокада лопнула, шашлык легализован, мир объявлен. Теперь включайте мозги, если они у вас не из мякоти.

– Дальше – только мы, – отозвался самый крупный помидор. – Помидор – это базис. Без нас соус – бледная тень. Без соуса шашлык – просто жареная плоть. Без шашлыка мир теряет опору. Мы – клейковина этой вселенной.

– Ты у меня прямо Цицерон огородный, – усмехнулась тётя Глаша. – Раньше вы скромнее были, только пупками в сторону солнца тянулись. А теперь рассуждаете. Это всё радиация от чихов Кодзи. Или Пустота слишком часто за солью заходит.

– Мы созрели, – сказал второй помидор. – Достигли пика кондиции. Нас нужно интегрировать в пищевую цепочку. Иначе начнём рефлексировать и испортимся от избытка самознания.

– Интегрируем, – отрезала тётя Глаша. – В салат пойдёте. Или в соус «Острая Неизбежность». Ваше высшее предназначение – жертвенное самопожертвование ради баланса специй. У овощей нет права вето. Только у Форшмака есть совещательный голос, и то потому, что он – сложная композиция.

Третий помидор, самый маленький, жалобно пискнул:

– А можно мне на семена? Я хочу увидеть следующий цикл.

Тётя Глаша перестала вязать. Извлекла малютку, повертела.

– Ладно. Будешь хранителем генофонда. Посмотришь, как Пустота будет чай в следующем сезоне пить. А эти двое – под нож. Завтрак не ждёт.

Она вернула избранника в авоську. Тот перестал светиться и ушёл в биологическую спячку.

– Эй, гонец! – крикнула тётя Глаша пролетавшему Пузырю-курьеру. Тот оседлал случайную запятую из недописанного романа Кодзи и завис. – Передай в отель: гуманитарный конвой прибыл. Соус будет к рассвету. Шашлык – в режиме нон-стоп. Мир продлён на неопределённый срок. Пока соль не кончится.

– А документальное сопровождение? – булькнул Пузырь. – Форма 1-П обязательна к заполнению в трёх измерениях.

– Я эту форму в салат накрошу, – пообещала тётя Глаша. – Нет такой бумаги, которую я не смогла бы превратить в удобрение. И не спорь, а то отправлю в компостную яму истории.

Пузырь, знавший, что статус тёти Глаши граничит с абсолютной монархией, спорить не решился. Козырнул оболочкой и растворился.

Тётя Глаша осталась одна. Взялась за спицы, глядя на грядки, где под квадратным солнцем наливались силой новые смыслы.

– Вот и славно, – сказала она. – Урожай снят. Война свернута. Теперь можно и дегустацией заняться. С солью, с горбушкой хлеба и с чувством, что мы ещё повоюем... за лучший рецепт аджики.

Она вонзила зубы в плоть самого крупного помидора. Тот издал короткий, почти восторженный «ох» и покорно превратился в чистую энергию вкуса.

– Правильный помидор, – сказала тётя Глаша. – Идеино выдержанный.

За окном, выходявшим на все возможные горизонты, медленно садилось солнце. Оно было квадратным, угловатым, совершенно неправильным. Но для тёти Глаши это не имело значения.

Солнце светило. Помидоры росли. Значит, в этом безумном мире всё ещё сохранялся подозрительно уютный порядок.

Утро после капитуляции бюрократии выдалось на Планете Пузырей пугающе прозрачным.

Великий Чайник, чей утренний гудок обычно служил сигналом к заполнению бланков, сегодня проявлял чудеса деликатности. Он пускал сиротливые кольца бергамотового пара, словно боялся потревожить хрупкую тишину только что обретённого мира.

Пузыри, истощённые спорами о векторе вогнутости, дрейфовали к своим домам, пытаясь осознать немислимое: блокада аннулирована, шашлык легализован, вилка получила статус полноправного субъекта реальности.

Но фундамент веры не так-то просто размыть соусом.

В Храме Чёрной Ложки с первыми лучами квадратного солнца собрался совет старейшин. Главный Пузырь – в очках с линзами, которые могли бы сфокусировать свет в антиматерию, и с бейджем «Младший переключатель революционных каналов» – восседал на алтарном возвышении. Его взгляд был прикован к Ложке. Она покоилась в бархатном ничто – чёрная, простая, совершенная в своей монолитности. Символ великого Замеса. Эталон недискретного бытия.

– Она вторгалась в наши чертоги, – сказал Главный. – Та, что именует себя Глинкой. Она проповедовала дискретность. Искушала границами. Утверждала, что мы имеем право на обособленность от общего бульона.

– Чистейшая акустическая ересь, – провибрировал Второй Пузырь. – Ложка – это Альфа и Омега. Это путь скручивания тьмы в добро. Вилка же – это...

– Это персонализация, – вставил Третий Пузырь. Обычно он выполнял функцию статического интерьерера, но сегодня его оболочка искрилась. – Вилка – инструмент волевого акта. Ты сам выбираешь фрагмент сущего и фиксируешь его на зубцах. Ложка – когда за тебя уже всё гомогенизировали и подали в виде безликой массы.

В зале воцарилась тишина. Третий Пузырь никогда раньше не генерировал смыслы сложнее формы 1-0 «Одобрение». Его красноречие было симптомом тектонического сдвига.

– Ты предлагаешь демонтаж культа Ложки? – спросил Главный.

– Я предлагаю расширение инструментария, – сказал Третий. – Ложка – фундамент. Но вилка даёт объём. Ложка для растворения эго. Вилка – для его протыкания.

– Разделение функций – первый шаг к энтропии! – возмутился Второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.